

Цена 1 р. 50 к.

33692

361/502

ГЕННАДИЙ ФИШ
В. ХОДАКОВ

A

На фронте



СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
Москва 1941

Ф-68



725063 ✓✓M

Художник Л. Литвак

С глубоким волнением на первом листе мы ставим имена героически погибших на фронте писателей

С. ДИКОВСКОГО
Б. ЛЕВИНА
А. КОПШТЕЙНА
М. ЧУМАНДРИНА
А. ШОРИНА—
памяти которых посвящается
эта книга.

ШЕСТЬ ЧАСОВ ИЗ ЖИЗНИ ШОФЕРА КАЙДА

Оперативные сводки скромно говорили о том, что продвижение замедляется, так как войска вынуждены прокладывать себе дороги по болотистым лесам.

В те дни по зыбким, еще не замершим, но уже покрытым снегом болотам продвигалась, стараясь не отстать от действующей части, группа водителей со своими автомобилями.

Водители рубили елки, укладывали их и по сплошному настилу проводили свои машины. Они убирали с пути огромные валуны, оставленные здесь древними ледниками, они прорубались сквозь чахлый лес...

Стояли морозы, но люди работали без шинелей и ватников, им было жарко.

Работали дружно. Бывало, что за четыре часа караван грузовиков с боеприпасами, проводольствием и оружием — продвигался вперед метров на триста.

Среди других автомобилей в колонне двигалась вперед и зеленая «эмка» — машина командира полка. Ее вел двадцатирефлетный шофер Анатолий Григорьевич Кайда.

5

Вместе с товарищами он не жалел сил, валил деревья, настипал дорогу, стремясь скорее туда, где уже дрались пехота.

Так за трое суток, шаг за шагом, были пройдены по болотам тридцать километров пути. Следующим колоннам проход был открыт...

Полк наступал, и за командиром полка неотлучно, по самым плохим дорогам, следовал шофер Кайда. Он прятал свою машину в лесной чаще и шел с командиром на огневые позиции. Высокий, стройный, с резким профилем и немного запавшими глазами, веселый, с всегда готовой украинской шуткой, находчивый, — он жаждал боя. И он дождался его!

В ту ночь полк занимал позиции у реки. В глубине леса у дымных костров, пламя которых от чужого взгляда закрывали шаляши из густого ельника, расположились бойцы.

В ту ночь командир сказал:

— Кайда, иди почевать к писарям на хутор...

На хуторе было три дома: большой, многокомнатный, с широкими окнами, стоявший особняком на горе, и в отдалении — два маленьких домика, службы.

Люди тесно располагались в двух маленьких постройках. Большой дом командир запретил занимать.

...В три часа ночи по тревоге Кайда проснулся, вскочил на ноги. Где-то близко шла перестрелка...

Не найдя в темноте шлема, он вышел

с пистолетом в руке на порог. Прямо перед порогом длинная просека прорезала ночной лес.

Встревоженные люди быстро покидали домик, уходя лесом к реке, к своей части.

Кто-то совсем рядом крикнул:

— Ложись!

Кайда лег на крыльце, подложил под голову брошенный кем-то вещевой мешок и стал внимательно смотреть сквозь густую тьму в глубину просеки. Там строем двигались люди.

Кайда услышал незнакомый говор и понял, что это враги...

Противник, прокравшийся лесом, выходил по просеке к хутору. Он был убежден в своем численном превосходстве, внезапности подхода с тыла и не считал нужным маскироваться.

Кайда видел, как неприятель, миновав первое маленькие здание, направился к большому дому на пригорке, рассчитывая ударить по штабу.

Белофиннов было несколько сотен.

Кайда усмехнулся, он знал, что командир запретил занимать большой дом и предпочел разместить свой штаб в малоприметной лесной хижине.

С крыльца домика, стоявшего в лощине, Кайда видел, как суетились солдаты, расставляя на пригорке пулеметы... Пулеметы справа от дома и пулеметы поодаль, слева.

Кайда смотрел и думал о том, что же ему делать, чтобы остановить врага.

И Кайда принял решение. Он вошел обратно в помещение и в темноте, ощущив, что в комнате, где минуту назад было тесно от спавших, стало вдруг пусто, — спросил:

— Где люди?

— Приказано было отойти к части, — отозвался кто-то в темноте.

— Сколько осталось?

Оказалось, что в доме осталось пятеро бойцов.

Сосчитали двадцать две гранаты, ручной и станковый пулемет.

Кайда приказал вставить капсюли, распределил гранаты и сказал:

— Если невыдержка будет, отойдем к лесу. В темноте раздались голоса:

— Пускай паразиты посунутся, мы жизни им дадим...

Тогда Кайда спросил:

— Кто умеет стрелять из пулемета?

Одному из бойцов дали ручной пулемет, и Кайда приказал этому бойцу расположиться за большим валуном у левого угла дома. Валун был надежным прикрытием.

Будем подпускать близко и бить короткими очередями, — сказал Кайда. Сам же взялся за станковый пулемет «максим» и установил его справа от дома.

Кайда метко стрелял из пулемета. Этому он научился урывками на полигоне, куда привозил своего командира. Но устройство пулемета он не знал.

8

Рядом с пулеметом, установленным на лыжах, лежал боец в белом халате.

— Что ты здесь делаешь?

— Охраняю пулемет.

Кайда лег и стал наводить пулемет на цель. Оглянулся — бойца нет.

— Неужели сбежал! — рассердился Кайда.

Но через две минуты боец снова появился, — он волочил за собой три коробки лент, набитых патронами.

— Ну, теперь повоюем, — повеселел Кайда. — А я уж думал, что ты сбежал...

— Никуда я не уйду. Вместе будем драться, а если что — и помирать будем, — шепотом ответил боец и, придвинувшись к шоферу, накрыл его полой своего халата.

Так лежали они вдвоем.

Направляясь к избушке, в лощину вышла группа белофиннов. Отделившись от других, впереди шел офицер.

— Стреляй, — шепнул боец.

Но Кайда не стрелял. Он не хотел преждевременно обнаружить свой пулемет.

— Стреляй, — повторил боец, когда офицер был уже в нескольких шагах.

Кайда поднял над щитком пулемета пистолет и почти в упор выстрелил в офицера. Вторым выстрелом сразил еще одного врага, а потом, прильнув к пулемету, дал короткую очередь и уничтожил всю группу.

Затем сразу же ползком по снегу Кайда оттащил свой пулемет метров на десять в сторону и снова навел его на цель.

9

Боец в белом халате, держа в руках ленту, чтобы не заедало, — переместился вместе с Кайдой и снова накрыл его полой халата.

С гребня холма, справа, сразу открыли огонь шесть пулеметов по тому месту, где Кайды уже не было. Пронесся ливень светящихся, трассирующих пуль, и Кайда отлично видел место, откуда они были.

Когда белофинны, полагая, что они уничтожили дерзкого пулеметчика, прекратили огонь, — заговорил пулемет Кайды. Он был наверняка. И с того места, по которому он был, белофинны больше уже не стреляли...

Теперь заговорили вражеские пулеметы, стоявшие слева. Но Кайда успел занять новое место со своим пулеметом, и пули врага сверлили снег там, откуда Кайда уже перекочевал.

Сам же Кайда опять отлично видел позиции неприятеля. И снова его пулемет ударил по цели короткой очередью. И вражеские пулеметы слева тоже замолчали.

И опять шофер Кайда переменил позицию.

Рассвирепевший враг устремился в атаку на Кайду и его товарищей, видимо, предполагая, что имеет дело с целым подразделением.

И заговорили оба пулемета — ручной из-за валуна и станковый, управляемый Кайдой. Полетели, разрываясь, ручные гранаты одна за другой. Отважным бойцам видно было, как падали на снег враги.

10

Атака была отбита, но белофинны еще продолжали вести огонь.

Четырнадцать раз кочевал, меняя позиции для своего пулемета, шофер Кайда, необычайным чутьем избравший самую лучшую в таких условиях тактику — кочующая огневая точка бьет короткими очередями.

Когда Кайда снова готовился переменить позицию, наши орудия начали бить по врагу и на помощь подошла пехота.

Кайда доложил командиру об обстановке и сообщил, что белофинны отходят в сторону одного из наших подразделений.

— Кайда, любой ценой свяжись с капитаном и предупреди, — сказал командир.

Задание было не из легких. Нужно было проскочить сквозь боевые порядки отходящих белофиннов и опередить их, либо в обход пройти лесом по глубокому снегу.

Медлить нельзя было. Кайда повторил приказание и огляделся: вблизи стоял приземистый трактор-тягач. Кайда вскочил на трактор и крикнул водителю:

— А ну, давай жизни!

Взялся за пулемет и добавил:

— Давай побыстрее...

Водитель попался умелый и храбрый. Врезаясь в наст, загрохотали гусеницы, и, пылью взметая снег, машина рванулась вперед. На ходу на трактор вскочил еще один боец с пулеметом.

Водитель прибавил газ. Он вел машину напрямик — на холм к большому дому, вблизи

11

которого снова сосредотачивались белофинны. С тягача, мчавшегося со скоростью тридцати километров, Кайда огнем своего пулемета привел белофиннов в смятение и промчался дальше.

На пути он различил группу артиллеристов, которые отбивались, защищая свои орудия от наседавших со всех сторон врагов.

С трактора в помощь артиллеристам ударили два пулемета. Попав под пулеметный огонь и слыша скрежет гусениц, солдаты, видимо, решили, что их атакуют танки, и разбежались во все стороны.

С трактора соскочил пулеметчик. Кайда оставил его поддерживать артиллеристов, а сам помчался вперед выполнять приказание.

— Держись! — крикнул на прощанье Кайда. И сквозь лязг гусениц донеслось:

— Будут доволны...

Кайда не знал фамилии храброго пулеметчика, не видел в ночной темноте его лица, но по голосу он узнал бы своего боевого друга среди тысячи людей.

Трактор-тягач мчался вперед.

Чтобы действовать ловчее, Кайда сбросил полушубок, но и в ватнике было жарко. Он сбросил ватник. Машина обгоняла бегущих солдат, и Кайда расстреливал их на ходу.

Вот и свои, они уже ведут бой с белофинскими ротами.

Кайда нашел капитана, тот обрадовался такому нежданному вестнику на тракторе и крикнул:

— У нас все в порядке. Бьем их помаленьку. А вот ты доскачи до заставы. Во что бы то ни стало доставь им патроны, ребята в окружении боятся с вечера. Патроны, на-верное, у них все вышли...

— Есть доставить патроны! — в радостном возбуждении откликнулся Кайда.

Через минуту нагруженный цинковыми ящиками с патронами, пулеметными лентами и дисками трактор уже мчался по лесной извилистой дороге, громыхая на ухабах.

Кайда мчался к заставе.

Противник ускользал от него за поворотами дороги, разбегался по лесу и, припадая, бил огнем автоматов из-за деревьев.

Пули стучали по металлу мчащегося трактора.

— Я ранен! — воскликнул водитель.

— Можешь вести машину? Гони! — повелительно отозвался Кайда и почувствовал, как по руке потекла горячая липкая кровь. Он тоже был ранен.

— Потом разберемся, — крикнул он снова водителю.

И тягач дончался до заставы...

Бойцы лежали в снегу и не отстреливались. Патроны иссякли. Все теснее сжималось вражеское кольцо вокруг заставы.

Трактор Кайды, как вихрь, прорвался к своим. В первую минуту бойцы подумали, что к ним ворвался белофинский танк, — настолько неожиданно было его появление.

Кайда поднялся и громко позвал:

— Товарищ Колесник!

Начальник заставы подбежал к машине.

— Кайда, это ты? — удивился он.

— Куда мне стрелять? Где противник? — торопился Кайда.

— Стреляй кругом! — последовал ответ.

— Давай, гони по одной гусенице! — не раздумывая ни секунды, сказал Кайда водителю.

Тот понимал его с полуслова. Он мгновенно оттянул рычаг правого тормоза, и тягач волчком завертелся на одной гусенице. И так он вращался двадцать минут, и в течение этих двадцати минут Кайда длинными очередями строчил по врагу во все стороны через головы лежащих бойцов.

...Так были разбиты и обращены в бегство осаждавшие заставу враги.

Но Кайда уже не мог остановиться.

— Берите! — крикнул он бойцам и, сбросив ящики с патронами, помчался догонять врага. Он гнал белофиннов по дороге, расстреливая их из пулемета.

Солдаты исчезали в лесной чаще, но Кайда не успокаивался.

— Они не могли уйти далеко!

Водитель, казалось, сросся с машиной. Подбадриваемый Кайдой, он стал колесить на тракторе по лесным тропам. Они вдвоем отыскивали место, куда мог деться враг.

И они нашли...

Разбежавшись по лесу, белофинны собирались на открытом месте, на занесенном сне-

гом болоте. И в молочном тумане зимнего рассвета было видно, что их много.

— А, вы тут, друзья! — обрадовался Кайда. — Ну, бежать вам отсюда...

И он стрелял, пока пулемет не накалился.

Немногим удалось убежать.

— Ну, патроны все. Поехали обратно, — сказал Кайда, впервые за все время почувствовав холод и вспомнив, что он в одной гимнастерке.

— Мы так кружили, что дороги назад не найду, — отозвался водитель.

— Иди по следу...

— Ну, теперь иди отдыхать, — сказал командир полка Кайде и посмотрел на часы.

Было девять часов утра.

Всего шесть часов прошло с той минуты, когда Кайда вскочил по тревоге. За это время он вел бой с большим отрядом врагов и уничтожил его.

Высокое вдохновение пережил за эти шесть часов Кайда.

Есть упоение в бою! И это упоение герой Советского Союза шофер Анатолий Григорьевич Кайда испытал в священном бою за социалистическую родину.

ВСТРЕЧА С ВОДИТЕЛЕМ АНАТОЛИЕМ КАЙДОЙ

— Это не похоже на правду, — сказали мы, пробежав двадцатистрочную заметку о подвиге шофера, напечатанную в красноармейской газете.

Дело было так. Один из сотрудников газеты прочитал в политуправлении последние донесения с фронта, и на другой день в газете была напечатана его заметка о храбром трактористе, ворвавшемся ночью на тракторе с пулеметом в расположение противника. Заметка была очень краткой, и из нее, так же, впрочем, как и из донесения, нельзя было представить себе обстановку, в которой был совершен подвиг. Случай всем показался неправдоподобным.

— Это надо проверить на месте, — сказал редактор газеты.

В тот же день в часть, где служил Кайда, был командирован сотрудник газеты.

Редакция добыла для корреспондента место на связном самолете, отправлявшемся на север.

Вскоре после того, как сотрудник улетел в часть, где служил Кайда, мы выехали в противоположную сторону — к озеру. Покрышки нашей машины износились, и мы решили подремонтировать их в автомобильном транспортном батальоне в Петрозаводске. С лишней сотней километров считаться не приходилось.

Батальон, которым умело командовал скромный работяга капитан Сачко, мы знали хорошо. Неоднократно наша газета писала о соревнованиях шоферов, о самоотверженной работе водителей машин и ремонтных бригад автобата. Много людей этого автобата со страниц нашей газеты стали широко известными во

16

всей армии. Среди других особенно запомнились водители машин товарищи Коротков и Болдырев.

Шофер-ленинградец Федор Андреевич Болдырев работал на автобазе Октябрьской железной дороги. Получив новую машину, он обязался проделать на ней семьдесят тысяч километров без капитального ремонта и без аварий.

Светловолосый, опрятный здоровяк хорошо выполнял свои обязательства.

До назначенных семидесяти тысяч километров оставалось всего три тысячи, когда машина была мобилизована в армию.

Болдырев решил до конца выполнить свое обязательство, вступил добровольцем в Красную Армию и продолжал работать на той же машине. К началу января его машина набегала уже семьдесят пять тысяч километров по узким лесным карельским дорогам, на морозе, под обстрелом. И она не нуждалась в ремонте.

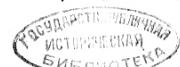
Это был один из лучших водителей армии.

В мастерских военного городка, куда мы приехали, высокий юноша, сбросив шинель, в засаленном ватнике возился возле зелено-желтой «эмки».

Это и был Кайда.

Он пригнал сюда машину командира полка для ремонта.

Накануне дня нашей встречи с Кайдой, когда, лазая под машиной, водитель ремонтировал коробку скоростей, — в мастерскую во-



17

шел помощник командира по технической части.

— Так ты и есть Анатолий Григорьевич Кайда?

— Так точно, — ответил водитель, не вылезая из-под машины.

— Ну, поздравляю с наградой.

— Спасибо, — сказал Кайда, который уже знал, что командир полка представил его к ордену Красного Знамени.

— Теперь, значит, и в нашей армии есть Герой Советского Союза, — продолжал помощник командира.

— Кто? — заинтересовался Кайда и выглянул из-под машины.

Тут уже изумился помощник командира:

— Так ты не знаешь? Ты и есть Герой Советского Союза.

От неожиданности Кайда даже не спросил, откуда это известно, а помощник командира уже ушел...

В этой же мастерской мы встретились с Кайдой, он заканчивал ремонт машины и собирался ехать обратно.

Несколько часов мы провели с ним, разговаривая о его жизни, о его делах и товарищах, дополняя его рассказами то, что мы уже знали.

Расстегнув ворот гимнастерки, жестикулируя и волнуясь, Кайда говорил:

«...Много их положили на высоте. А те бойцы, которые раньше в избе со мной были, дошли до полка и сказали там: «Все убиты,

а избушка в руках финнов». Тогда наша полковая артиллерия стала бить по нашей избушке. Первый снаряд попал в крышу, второй ударил под фундамент. Я — к телефону, предупредить, чтобы не стреляли, а связь порвана. Я бросился к окну, хотел крикнуть артиллеристам, а в это время по окнам стали строчить наши пулеметы. Говорю ребятам: «Прячьтесь за печку». Сами знаете, какие крепкие печи здесь кладут, вот я и подумал тогда, что эта печка нас спасет. А в это время полковые орудия выдвинулись вперед, и я услыхал команду: «По домику фугасным огнем!» Голос, слышу, знакомый. Я как вырыгну из-за печки и закричу:

— Капитан Гусаров, куда стреляет!

И командир услыхал мой голос, кричит:

— Кайда, ты жив?

— Жив, — отвечаю.

Стрельба прекратилась, и я побежал к командиру полка.

„БАРЫНЯ“

Стрелковый батальон вел упорный бой с противником. Белофинны стремились окружить вырвавшийся вперед наш батальон.

Положение было серьезное.

Командир решил отвести батальон назад на исходную позицию.

Младшему лейтенанту Ягодкину с его пулеметным взводом было приказано оставаться на месте, прикрыть отход и задержать неприятеля.

Ягодкин спокойно повторил приказание.

Надо было спешить.

Ягодкин на ходу еще раз проверил пулеметы, дал последние наставления бойцам и по глубокому снегу двинулася навстречу врагу.

Противник надвигался с озера.

Он уже прошел его и теперь пробирался по мелколесью на откосе берега, стремясь зайти во фланг нашим стрелкам.

Но тут, на гребне, притаившись, белофиннов ждали расставленные Ягодкиным пулеметы.

Пулеметчики подпустили врага совсем близко и уже на расстоянии метров пяти-

20

десети открыли стрельбу. Атака была отбита кинжалным огнем.

И еще одна атака была отбита, но теперь уже финны разгадали, что перед ними находилась лишь горстка храбрецов.

Взвод Ягодкина внезапно подвергся сильному обстрелу с флангов.

Неприятель окружал пулеметчиков.

Ягодкин видел, что трое наших пулеметчиков были ранены. Очереди стали беспорядочными, нервными, а пулемет справа совсем замолк.

Стали замолкать и другие пулеметы, и Ягодкин увидел, как раненые и растерявшиеся бойцы начали отползать от своих пулеметов назад, думая уйти от огня автоматчиков. Тогда Ягодкин подполз к умолкшему пулемету и отстрелил раненого красноармейца.

Теперь сквозь прорезь прицела смотрел, прислушившись, лучший пулеметчик части.

Он увидел, как белофинны, ободренные молчанием пулеметов, бросились вперед.

Они бежали не пригибаясь.

Их было много.

Ягодкин нажал на гашетки спуска, и короткая пулеметная очередь рассекла наступившую было тишину.

Несколько солдат повалились в снег. Падая, они странно взмахивали руками и высоко вскидывали ноги, словно в какой-то веселой пляске.

— Ага, заплясали! — усмехнулся Ягодкин.

21

Обычно молчаливый и скромный, сейчас он ожиился.

Он видел отползающих пулеметчиков и приближающихся финских солдат.

— Эх, погибать, так с музыкой, — сказал Ягодкин. — Попляшете же вы у меня!

И он стал выстукивать на своем пулемете четкий и знакомый всем ритм веселой «Барыни».

И в промежутках между выстрелами находившиеся поближе пулеметчики слышали, как он громко пел:

Эх, барыня, барыня,
Барыня-сударыня!

Ритм плясовой «Барыни», повторенный эхом, разнесся над лесом и озером. Его услыхали стрелки, его услыхали ездовые, но только пулеметчики видели, как под этот веселый выстук выстрелов падали подкошенные враги. И несмотря на всю трудность и опасность положения, они не могли удержаться от смеха и, смеясь, вновь подползали к своим пулеметам и огнем поддерживали «Барыню» Ягодкина. Атака была отбита.

Ягодкин переползал от пулемета к пулемету. Устранил задержки, подбодрял бойцов.

Противник снова поднялся в атаку и снова был отброшен.

Когда стемнело, Ягодкин приказал всем своим красноармейцам:

— Возьмите раненых и отходите к батальону.

22

— А вы, товарищ командир?

— Я задержусь здесь и буду прикрывать ваш отход...

Зимой на севере темнеет очень рано.

В быстро набежавшей темноте пулеметчики отошли, вынесли раненых и пулеметы.

Ягодкин остался сдерживать неприятеля один.

На рассвете он пришел изнемогающий от усталости, волоча за собой пулемет, который обычно несут трое.

Через несколько дней Ягодкин уже командовал пулеметной ротой.

Никто из его сослуживцев не узнал бы сугубо штатского, слегка застенчивого Григория Михайловича Ягодкина — заведующего отделом кадров завода — в этом боевом, решительном командире, одетом в пропахшую дымом костров шинель, в этом человеке с обожженным морозными ветрами лицом.

— Ягодкин храбрый командир, поэтому ему всегда везет, — говорил командир полка.

Однажды батальон получил приказ зайти во фланг противнику, занимавшему высоту с вышкой.

Вместе с батальоном шла пулеметная рота Ягодкина. Это был трудный марш по лесу по пояс в снегу.

Нелегко было тащить за собой станковые пулеметы даже и на лыжных установках.

Лыжи были узкие, они не были рассчитаны на тяжесть и низкую посадку пулемета.

23

В густом лесу, цепляясь за мерзлые сучья, крепления расшатывались, а щиток пулемета все время нагребал перед собой сугубы снега.

Было темно — шли ночью, взрыхляя снежную целину. Ягодкин переходил от бойца к бойцу, давая последние наставления.

— Если ленты намерзли, — то сначала дай короткую очередь, а второй номер пусть тянется ленту. Нагреется пулемет — будет работать сам.

Захватили финского солдата-связиста. В его сумке нашли плоскогубцы.

— Вот это кстати, — сказал Ягодкин и, взяв плоскогубцы, тут же на ходу приладил расшатавшиеся крепления пулеметов.

У него были умелые руки.

Белофинны, обнаружив у себя в тылу наш батальон, бросили большие силы для того, чтобы окружить и уничтожить смесячаков.

Батальон залег.

Бойцы стали окапываться в снегу, занимая круговую оборону.

Из лесу к переднему краю обороны подобрался большой отряд белофиннов.

Солдаты говорили и ругались по-русски и больше ругались, чем говорили.

Они были так убеждены в своей победе, что горланили похабные песни и предлагали бойцам сдаваться...

— Все равно у вас нет другого выхода, — кричали они, — перебьем как куропаток!

По всему было видно, что это большая шайка отборных русских белогвардейцев.

?1

Красноармейцы отвечали ружейным огнем и гранатами.

Лучший пулеметный расчет Панфилова Ягодкин выдвинул вперед. Командир понимал, что этому расчету придется выдержать ожесточенный натиск.

— Смотри, держись, Панфилов, на тебя большая надежда, — напутствовал он пулеметчика.

— Будьте уверены, запляшут, как у вас, товарищ командир, — отозвался Панфилов и, пригибаясь, стал продвигаться вперед.

Всю силу удара пулеметчики приняли на себя.

Белогвардейцы пошли в атаку.

Крепкая русская ругань смешивалась с финскими возгласами «эля, эля, элякоон».

Пулеметчики отбили атаку.

Ягодкин в темноте переполз от пулемета к пулемету, проверял, как работают боевые расчеты, указывал пулеметчикам новые цели, предупреждал возможные задержки, ободрял бойцов.

С особенным волнением Ягодкин прислушивался к работе пулемета Панфилова, работавшего на самом ответственном участке. И когда вдруг пулемет Панфилова захлебнулся и замолк, он сразу же пополз к нему.

Бойцы с волнением следили за каждым движением своего командира.

Он невредимым добрался до пулемета.

Рядом с пулеметом, недвижимо, лежали

25

два тела. За щитком, лицом к замку припал пулеметчик.

— Панфилов, ты ранен? — тихо спросил командир.

Ответа не было.

Ягодкин отстранил бойца, и тело сползло в спегу.

Он попробовал открыть огонь. Пулемет не работал, он был подбит вражеским огнем.

— Жаль, — пробормотал Ягодкин.

И тут он увидел, что к умолкшему пулемету подбираются трое финских солдат.

Тогда Ягодкин отполз и подобрал лежавшую на снегу винтовку.

В магазине было четыре патрона.

И командир, мстя за товарищей, истратил по одному патрону на каждого солдата. Затем, сняв замок, он вернулся к своим.

Под утро, когда в магазинных коробках у бойцов оставались последние патроны, батальон прорвал неприятельское кольцо.

В лесу, возле шалаши из елок, бойцы и командиры окружили Ягодкина. Они восхищались пулеметчиками — героями дня. А командир батальона долго молча смотрел на Ягодкина, потом подошел к нему, крепко обнял и сказал одно только слово:

— Спасибо.

Санинструктор пулеметчиков, перевязывавший в это время руку бойцу, вставил:

— Он нас всех спас, он нам второй отец.

26

Ягодкин, недовольно оглянувшись на санитара, буркнул:

— Все работали, чего ты врешь!

Потом помолчал и добавил:

— Вот Панфилов погиб...

Он отошел в сторону и отвернулся. И все видели, как у неподвижно стоящего у сосны Ягодкина от сдерживаемых слез вздрогивали плечи...

...На другой день полк вел наступление на высоту — и снова по лесу разносился четкий ритм «Барыни», его слышали и стрелки, и ездовые, а пулеметчики дружно поддерживали его огнем своих «максимов».

ВСТРЕЧИ С БАТАЛЬОННЫМ КОМИССАРОМ МАКСИМЦЕВЫМ

В выгоревшей деревне Вуондельяки, в двухкомнатной избе, помещался политотдел дивизии. На разбросанных по полу газетах, подложив под себя полушибки, укрывшись шинелями, спали вповалку работники политотдела, инструкторы, писари.

При свете коптилки, всю ночь до утра, в этой комнате информатор выступжал на машинке донесения для политуправления армии.

Сюда то и дело заходили люди с линии огня, пролегавшей в двух километрах, и вместе с ними в дверь клубами врывался холод морозной ночи.

Не снимая промерзших полушибок, стара-

27

ясь не наступить в тесноте на спящих товарищев, они пробирались к начальнику политотдела дивизии Жукову. Он дремал в дальнем углу, прикурнув на лавке. Тормоша, они будили его и сообщали последние новости из полков; затем, раздвигая спящих товарищев, находили в тесноте местечко на полу и забывались кратким и крепким сном.

Каждая минута этого сна под крышей была дорога!

Засыпая, мы слышали, как разводящий говорил дневальному в соседней комнате:

— Чуть что — гаси свет и бей из пулемета в окно. Сами в темноте разберемся, а ему не видать будет...

Проснулись же мы оттого, отчего просыпались в течение недели каждое утро.

— Подымайся, опять под самый фундамент кладет, — весело будил спавший с нами Максимцев.

Он вскочил, и сразу стало холодно, не было рядом теплой спины.

Задребезжали стекла рам. Возле дома с треском разорвался снаряд. Все поднялись.

— Точно кладет, — сказал батальонный комиссар Назаров, отряхивая шинель от налипшего с пола мусора.

— У них все пристреляно. Со своей вышки они, пожалуй, даже шпалы на твоих петлях видят, — шутливо отозвался Жуков. — А ну, Малышев, — постучал он в соседнюю комнату, — хлопцы пить хотят, почему чая нет?

Из смежной комнаты с чайником и ведерной банкой сгущенного молока появился Малышев — красноармеец, который вел все хозяйство подиба.

Не успели мы выпить чая, как возле дома снова щлепнулся снаряд.

— Пойдемте посмотрим, — сказал нам Максимцев. — Здесь сидеть не лучше. Такую вот стену трехдюймовка прошибет как картон.

Мы вышли на скользкое от льда крыльце. Навстречу с ведром шел Малышев, и вода дымилась на морозе.

— Когда снаряд клацает, значит он на излете, и тогда немедленно ложись, — объяснял Максимцев.

Не успел он сказать это, как в воздухе послышалось металлическое постукивание, и, не дожидаясь разъяснений, все трое повалились в снег.

Когда мы встали, Максимцев побежал осмотреть воронку разорвавшегося снаряда.

— Такой вот перелетный снаряд не так страшен, как недолетний, — сказал он, возвращаясь. — Разрыв недолетного опаснее...

Батальонный комиссар Максимцев живо интересовался всем, что происходило на фронте. От его внимания не ускользали детали, которые другим бы показались малозначающими. 37-летний, натренированный, ловкий, — он проделывал пешком по пятнадцать — двадцать километров для того, чтобы проверить факт, который казался ему заслуживающим внимания. Рассказы «очевидцев» и краткие

политдонесения, составляемые обычно наспех в разгар боя, он никогда не принимал на веру.

Прибыл он сюда в начале января вместе с группой командиров и политработников изучать опыт войны.

Максимцев изучал опыт добросовестно, — со страстью. Не было вопросов, которые ускользнули бы от его острого внимания. И работа лыжных подразделений, и методы опроса пленных, и то, как лучше одевать бойцов в условиях суровой зимы, и ориентировка по компасу, и политработка с красноармейцами, и управление боем в лесу, и множество других вопросов занимало его.

В своей записной книжке он чертил схемы операций. В землянке, ночью, когда от усталости слипались веки, он бодрствовал, записывая в свою книжку то, что видел и о чем передумал за день.

Много бы дал любой литератор, чтобы получить эту книжку. Но Максимцев никому не показывал своих записей.

Пытливость Максимцева была равна его храбрости. Заинтересовавшись особенностями работы пулеметчиков в лесном бою, он шел на линию огня, и случалось так, что он занимал место у пулемета, заменяя выбывшего бойца.

Кавалерист по специальности, он сам был отличным пулеметчиком.

Всякое новое дело — рейд лыжников в тыл противника, ночной поиск разведчиков — при-

влекало его, как магнит металлическую стружку.

Однажды, узнав о том, что в стрелковый полк отлетает самолет, мы, вскочив в кузов попутного грузовика, мчались двенадцать километров к озеру, откуда должен был взлетать этот самолет.

Стрелковый полк под командой майора прошел по лесам в глубокий тыл противника и драли там, перехватывая на дорогах обозы, обстреливая колонны шедших к фронту пополнений, совершая налеты на штабы.

За блестящее выполнение этой операции полк впоследствии был награжден орденом Красного Знамени.

Связь с полком была крайне затруднена. Изредка туда отправлялся самолет «У-2», которому для посадки был достаточен «плятчик» крохотного озера.

Очень заманчиво было воспользоваться такой окажией, чтобы присоединиться к части, оторвавшейся в тылу у неприятеля. Но, подъезжая к аэродрому, мы вспомнили, что самолет берет только одного пассажира.

Никто не хотел уступить друг другу место в самолете, и, чтобы не портить дружеских отношений, мы решили разыграть это место на спичках.

Счастливую спичку с отломленной головкой вытащил Максимцев.

...Пропеллер, вращаясь, гнал колючий снег. Размахивая руками, боясь, что самолет улетит без него, Максимцев бежал к старту.

Максимцев всегда ходил налегке. В тесном, коричневом с меховой оторочкой, полушубке, полы которого едва достигали пояса, а рука-ва которого были столь коротки, что кисти рук всегда оголялись, пренебрегавший к тому же ватными шароварами,—Максимцев, ко всему удивлению, никогда не мерз.

Вот и сейчас, видя бегущего Максимцева, боец с голубыми петлицами крикнул вдогон:

— Разве в таких пиджачках летают! Вы же замерзните...

Но слова бойца, заглушенные работающим мотором, не долетели до Максимцева.

...Вечером мы отправились в полк пови-даться с Ягодкиным. Полк вел бой за высоту Айтакоски.

— Стой! Кто идет? — то и дело окликали нас дозорные, внезапно выступая из темноты леса с автоматами наперевес. — Пропуск! — спрашивали они, наставив оружие.

— Граната, — шепотом отвечали мы.

И если бы через двадцать — тридцать метров нас снова не останавливал часовой, можно было подумать, что лес безлюдён.

Землянка командного пункта полка находилась в стороне от дороги, крышу ее вровень с землей покрывал снег.

Когда мы, приподняв брезентовый полог, залезли в землянку, — майор Дряхлов заканчивал беседу с командирами. Прежде чем глаза стали различать в полутьме лица собравшихся, мы поняли — готовилось наступление.

32

Все были серьезны и, слушая Дряхлова, сосредоточенно молчали.

Только один боец в углу землянки не обращал внимания на происходившее, рубашкой от гранаты он колюл сахар на мелкие куски, затем, бренча кружками, стал разливать чай.

— Итак, через два часа начнем, — сказал Дряхлов. — Все ясно, товарищи?

— Ясно, — отозвалось несколько голосов.

— Ну, товарищ, давай, — обратился Дряхлов к красноармейцу, и тот стал передавать командирам кружки горячего чая.

Пили, похрустывая сахаром, обжигаясь и наслаждаясь живительным теплом, забывая о том, что за промерзшими стенами землянки ночь, снег, лес...

И, прерывая молчание, привстав, Дряхлов сказал:

— Ну, с богом...

И как только он это сказал, все сразу поднялись и один за другим стали выползать из землянки.

В тоне этого напутствия было столько душевной теплоты и товарищеского участия, что никто и не подумал о форме, в которую оно вылилось.

— Ну, с богом!

Вслед за другими вышли на воздух и мы.

Теперь нам предстояло с политруком, работником партийной комиссии дивизии, добраться до роты Ягодкина. Через час пулеметчики Ягодкина вместе с батальоном вы-

33

ступали в обход высоты с вышкой, о чем уже рассказано.

По узкой тропе мы шли гуськом.

Все время впереди не прекращалась стрельба.

Внезапно слева черноту неба, трассируя наискосок, прорезала зеленая ракета, за ней вторая, третья.

Стрельба усилилась.

— Давайте держаться подальше один от другого, — сказал наш спутник.

И хотя в такую минуту тянет быть ближе друг к другу, мы увеличили между собой дистанцию, чтобы не попасть всем сразу под один снаряд.

И это было сделано своевременно.

По направлению, указанному ракетами, начали бить финские минометы. Проносясь над деревьями, мины падали в снег и с треском лопались, разбрасывая далеко в стороны визгливые свои осколки.

Это был шквальный огонь минометов.

Минсы ложились беспорядочно, словно ощущая лес, дорогу, тропинки.

Огненные всплески разрывов то преграждали путь впереди, то появлялись вдруг справа, слева, то вспыхивали позади — там, где находился командный пункт полка и патронный пункт.

...На другое утро мы отправились в часть майора Ласкина.

Высота была взята полком товарища Дряхлова через несколько дней. Но еще перед взятием высоты был опубликован указ, в котором Дряхлов, наряду с другими товарищами, показавшими высокую воинскую доблесть, — награждался орденом Ленина.

НОЧЬ В БЛИНДАЖЕ

— Венера? Яка така Венера? Венера вторая! Подожди Венера, майор с Марсом разговаривает.

Командир полка майор Ласкин разговаривал с Марсом, — так сегодня условно назывался командир второго батальона Филимонов.

— Продвигаешься? Осталось двести метров? Снег, глубокий? Ничего не попишишь — зима... Сафонов? Это тот — комсомолец! Третьего с елки снял? Молодец! Передаю ему благодарность, представлять буду. Посматривай налево. Филимонов, не зарывайся... смотри на карту. Смотришь? Высота 187,9. Там, где кружок цифры девять — видишь? — остановившись! Понятно?

Майор Ласкин передал трубку связисту и повернулся. Он сидел на ящике из-под консервов в землянке, больше похожей на холодный погреб, чем на жилье. Странно было видеть его чистым, подтянутым и свежим в этом погребе, где непрерывно чадила печь, где то и дело при разрывах снарядов с потолка сыпалась земля.

36

37

круги колбасы, печенье «Нева», коробочки с шоколадным драже, носовые платки, пачки папирос «Красная звезда» и «Северная Пальмира», спички, круглые красные головки голландского сыра.

Из того же мешка появился безмен. Он вытаскивал и раскладывал свои товары быстро, ловко, с торжественным видом человека, который знает, что все ему рады, и довolen этим.

— А одеколон?

— Одеколон завтра принесу.

Только один в землянке не приветствовал военторговского коробейника, он спал, сладко похрапывая, протянув ноги к горячей импровизированной печке, примостив голову на ящик с гранатами. Он продолжал так же храпеть, когда из-под его головы вытащили ящик, чтобы разрезать на нем затвердевший на морозе сыр.

— Товарищи командиры, берите не больше трех пачек, завтра еще принесу, — сказал военторговец и бойко добавил: — Да, поздравляю с взятием высоты.

— Кто тебе сказал, что высота взята? — поинтересовался комиссар Королев.

— Кто! Начальник тыла полка, я его в дивизии видел, он говорит: «Ступай смело, высота взята».

Ласкин засмеялся.

— Это правильно, — сказал он, — в тылу, бывает, берут высоты и деревни и города раньше, чем мы, грешные. Нет, высоту мы

— Вот, комиссар, запиши. Красноармеец Сафонов из второго батальона специалист по елючникам. Сегодня с деревьев уже трех снайперов снял.

В это мгновение, подняв заледенелый брэзент, закрывавший вход в землянку, с мороза вполз красноармеец.

— Товарищ командир, здесь возле землянки снаряды падают, — сказал он волнуясь.

— Снаряды падают, говоришь, вот и хорошо, — весело отозвался Ласкин. — На то и война, чтобы снаряды падали. Вот если бы они не падали, это было бы удивительно. Тогда ты должен был притти и доложить: «Товарищ командир, снаряды не падают».

И все находившиеся в землянке с улыбкой переглянулись, и всем стало весело. Боец, смущаясь, произнес: «нет, это я так, для того, чтобы вы знали», сам уже стыдясь своего недавнего, еще не прошедшего волнения.

— Ну, хорошо, спасибо, — ответил командир.

Не успел боец выйти, как в землянку прописнулся, волоча за собой мешок, человек, которого все встретили радостными воскликами.

— Ага, пришел!

Вошедший снял шлем и отер выступившие капли пота.

Ух, и жарко же, — сказал он и стал развязывать мешок.

Вокруг него сразу же столпились, и он, словно фокусник, стал извлекать из мешка

только к утру возьмем. Поторопился начальник тыла...

— А ты молодец, что сюда пришел, — продолжал майор, вставая и подходя к военторговцу. — Пожалуй, и я куплю у тебя пару носовых платков, не стирать же старые...

Майор неспроста похвалил военторговца.

Немало труда и смелости должен был проявить боец, чтобы с тяжелым мешком за плечами добраться до передовых линий.

Полк действовал в лесу, зайдя противнику в тыл. От линии фронта нужно было пробираться сюда девять километров по узкой тропе, протоптанной по кочкам болотистого леса.

Путь этот никем не охранялся и почти ежедневно на разных участках обстреливался белофиннами. С наступлением темноты движение по тропе становилось еще более опасным.

Пройдя в тыл, полк сейчас дрался за лесистую высоту 187,9, господствующую над местностью. Общая атака предполагалась на рассвете.

Зажужжал зуммер.

— Марс? — спросил связист, и слышно было, как трещит мембрana в трубке от громкого голоса говорящего, и видно было, как лицо связиста, выражавшее до этого безмятежное спокойствие, мрачнело по мере того, как он слушал. Наконец, не в силах совладать с тревогой, он тихо произнес: «беда!» — и передал трубку майору.

38

39

— Так... Так... Так... — повторял в трубку Ласкин, и все в землянке притихли, и только слышно было, как трещит мембрана, попрежнему хранил командир в углу землянки и учащее стреляют пулеметы в лесу.

— Что случилось с Филимоновым, дайте его к аппарату, — почти крича, потребовал Ласкин. — Убит? Пропал? — и голос Ласкина дрогнул... — Командуйте батальоном вы. Что? Отойти? — Ни шагу. — И уже спокойным голосом майор добавил: — Здесь и помирать будем...

Опять затрещала мембрана, и майор сказал:

— Подбросим. Во что бы то ни стало найдите Филимона живым или мертвым...

Майор положил трубку и приказал связисту:

— Вызывай Венеру первую.

И пока связист вызывал Венеру первую, Ласкин сказал начальнику штаба:

— Понимаешь, пропал Филимонов. Финны там устроили засаду. Одна рота отступала, а другая на елках скрывалась. Наши зарвались, елочки их пропустили, а потом огонь...

Он снова взял трубку. И в это время пулеметная стрельба послышалась совсем близко и люди взялись за оружие. Троє командиров быстро выползли из землянки.

Теперь Ласкин говорил с Венерой первой:

— Бросьте два взвода Филимонову. Немедленно! Прокосчили, говоришь? Уже принимаем.

Речь шла о том, что отряд финских лыжников, воспользовавшись замешательством во

втором батальоне, прокосчил через линию фронта, направляясь к командному пункту.

Ласкин взял свой автомат, и все в землянке, включая повара и военторговца, направились к выходу. Через секунду в землянке остались только двое — связист у полевых телефонов и спящий в углу командир, которого майор запретил будить:

— Он из разведки, пускай спит.

Совершая такие налеты, какой предпринял прорвавшийся к штабу отряд финских лыжников, можно рассчитывать на успех лишь в случае внезапности. Штаб же Ласкина был готов к неожиданностям. Люди комендантского взвода и каждый командир в штабе знали точно свои места в вырытых в снегу окопчиках и по первому сигналу занимали их.

У командного пункта финские лыжники были встречены пулеметным огнем бойцов комендантского взвода. Командиры вышли из землянки и поддержали огонь. Убедившись в том, что оборона штаба надежна, Ласкин вернулся в землянку и приказал, чтобы Венера вторая послала взвод лыжников отрезать отход прорвавшейся группе.

Через полчаса стрельба возле командного пункта затихла.

Белофинский отряд, почувствовав, что его окружают, ушел...

Для защиты штаба Ласкин не снял с фронта ни одного человека. И через полчаса жизнь землянки уже текла так, словно не было никакого налета.

О налете вспоминал только проснувшийся разведчик, который сотовал на то, что его не разбудили.

— Уж я постарался бы «языка» достать. Я бы непременно...

Но неизвестно, что бы он непременно сделал, потому что в эту минуту в землянку вошел раскрасневшийся от мороза лейтенант-артиллерист.

— Товарищ майор, — встревоженно проговорил вошедший, — лошади стали, нет никакой возможности лесом проторить орудие. Тропа узкая. Рубим деревья, мешают пни... Снег глубокий...

И лейтенант огляделся, как бы ища поддержки у присутствующих в землянке.

— Хоть на руках, а орудие должно быть до рассвета на передней линии, — сказал Ласкин.

— Осталось пять километров, как это возможно, — произнес лейтенант, разведя руками.

— Если нельзя проторить так, — разберите орудие, пронесите в разобранном виде и снова соберите. Но орудие должно быть на месте.

— Но как успеть?

— Перед атакой нужно разбить блиндажи. Сделать это можно только прямой наводкой. Лейтенант выглядел совсем расстроенным. Он стал вытираять пот.

— Но упряжки по тропе двигаться не могут, — произнес он тихо, как бы советуясь сам с собой.

— А вы попробуйте запрягите их цугом,

подошел к лейтенанту батальонный комиссар Максимцев. — А вперед пустите людей проптанывать колеи...

— Марс? — неожиданно закричал связист и подал трубку Ласкину.

— Да! Ты? — стараясь быть спокойным, произнес Ласкин, но все почувствовали в его голосе радостное волнение.

Связист улыбался, и вообще казалось, что в землянке стало светлее.

— Филимонов, жив! Что же ты зарываешься! Знаешь ведь, что вершины деревьев надо прочесывать из пулеметов. Это же элементарное условие... Насчет «угольков» не беспокойся, все твои «самовары» будут обесчленены, уже послано. Ну, смотри...

Положив трубку, майор вызвал начальника боепитания и приказал ускорить доставку «углей» Филимонову.

В те дни в телефонных разговорах патроны называли «углями», пулеметы «самоварами», артиллерию — «оркестрами», минометы — «чайниками» и т. д. Это было необходимо потому, что финские разведчики-связисты включались в наши провода и подслушивали.

— Так что, товарищи, не беспокойтесь, завтра одеколон будет, а я пошел, — сказал военторговец и, прихватив опустевший мешок, вышел из землянки.

...В лесу было темно, даже снег казался темным. В нескольких шагах стволы деревьев сливались в черную, непроницаемую для взгляда стену.

Только возле землянок, где лес был проражен, можно было видеть одинокие звезды, мерцающие среди быстро бегущих туч.

Военторговец увидел, что над трубой землянки командного пункта роятся веселые искры, и он бросил в трубу несколько комков смерзшегося снега и постучал по трубе. Затем, приоткрыв полог, он крикнул в землянку: «Искры, потиши там!» — и, вскинув шинтовку, скрылся в лесной тьме.

В землянке каждый занялся своим делом. Начальник боепитания отдавал приказания о подброске мин в батальоны. Связист стал громче повторять слова принимаемой им телефонограммы, начальник штаба с командиром артдивизиона разноцветными карандашами, сообща, определяли секторы обстрела и точное время шквального огня по высоте, занятой неприятелем.

Максимцев что-то записывал в своей книжке.

Ласкин взглянул на сидевшего у печки, сделанной из бензиновой бочки, интенданта Котюкова. На щеках у интенданта простирали волосы. Ласкин провел ладонью по своей щеке и сказал бойцу:

— На высоту мы должны взойти бритыми. Открывай, Василий, парикмахерскую.

Василий был мастер на все руки. Он не только дрался, когда это нужно было, не только вел хозяйство, кашеварил, варил чай, убирал землянку, но и нес еще нагрузку парикмахера.

44

Василий придвинул ящик к печке, усадил на него Ласкина, быстро вспенил помазком мыльный порошок в кружке и стал густо накладывать белую пену на лицо майора.

— Брею в порядке живой очереди, — сказал парикмахер, ни к кому не обращаясь. Он знал обычай майора, которому с охотой следовали все: «чем серьезнее дело, тем более подтянутым, свежим, выбритым должен быть командир».

А дело предстояло серьезное, — штурм высоты на рассвете.

Побравшись накануне сам, Ласкин не особенно нуждался в услугах парикмахера. Но брался он сейчас скорее из деликатности, чтобы тем самым напомнить остальным. Когда затем Василий стал брить Котюкова, Ласкин, еще раз поговорив по телефону с Марсом, Венерой, Юпитером, расстелил затем полушибок и прилег в углу землянки, напевая себе под нос:

Раскинулось море широко...

Затем брились мы. И после бритья тоже разостлали свои полушибки и незаметно для себя уснули.

...Ровно в 5 часов утра Максимцев, как мы просили, разбудил нас. Мы вскочили, готовясь отправиться вперед, чтобы к началу штурма быть в батальоне.

В землянке ощущалось сдерживаемое напряжение, какое всегда бывает перед боем,

45

когда люди не желают показать друг другу свою взволнованность.

Подтянув к полушибкам тяжелые патронташи, каждый еще и еще раз оправлял сумки с гранатами и щелкал тутым затвором полуавтомата...

Майор Ласкин сумрачно рассматривал только что присланную из дивизии карту, и лицо его казалось осунувшимся и постаревшим.

В землянку вошел лейтенант-артиллерист. Разгоряченное лицо его было весело. Подойдя к Ласкину, он с удовольствием, которого не мог скрыть, отрапортовал:

— Товарищ майор, приказание выполнено, орудие доставлено на указанный вами рубеж. Готовы открыть огонь, ждем приказания.

И затем, широко улыбаясь, добавил:

— Не одно доставили орудие, а целых два.

— Молодцы, — сказал майор, но лейтенант не уловил в его голосе ожидаемой радости и с недоумением оглянулся на Максимцева.

Максимцев также хмуро смотрел перед собой.

— Теперь, товарищ лейтенант, немедленно, пока еще окончательно не рассвело, отведите орудия назад.

— Без выстрела? — изумился лейтенант. — А мы уже навели орудия, все готово.

— Пожалуй, дадим несколько выстрелов, — оживился Ласкин, потом мельком взглянул

на часы и снова стал серьезным. — Нет, не успеем. Приказано к десяти утра отойти, заняв положение, указанное на карте.

Приказ в виде карты с нанесенными на ней новыми рубежами, с точным указанием времени, когда эти рубежи должны быть заняты, только что был доставлен Ласкину дежуром связи.

— Надо отходить, — повторил Ласкин, и видно было, что ему трудно примириться с мыслью об отходе от высоты, когда полк столько поработал, чтобы ее взять, и осталось сделать только последнее усилие.

И все в землянке переглянулись с некоторым недоверием и изумлением — не шутит ли майор?

Но майор не шутил, он был серьезен, сосредоточен и думал сейчас только о том, как бы лучше выполнить приказ.

Отослав лейтенанта-артиллериста, подписав изготовленные начальником штаба приказы, которые немедленно были отправлены в батальоны, он послал одного из командиров в 3-й батальон, который должен был первым начать отход.

— Ни одной каски, ни одного патрона, ни метра проволоки не должно быть оставлено в лесу. Все брать с собой, — говорил майор. — Проделать все тихо. Пусть противник по-прежнему думает, что мы готовимся к атаке!

Максимцев сунул в печь пачку свежих газет, доставленных из дивизии и призывающих к атаке.

46

47

Мы тоже стали шарить по землянке, подбирали обрывки газет, бумаги и бросали в печь.

На газетах стоял гриф: «Прочти и сожги». Сейчас же приходилось сжигать до пропаления, потому что ни один клочок бумаги не должен был оставаться в покидаемых землянках.

Василий, заметив одиноко лежащий патрон, хозяйственно подобрал его и бросил в ящик. Медь забренчала по алюминию кружек и тарелок. Затем он деловито принялся упаковывать ящик.

Отдав необходимые приказания, Ласкин вышел из землянки.

В предрассветном сумраке видно было, как связисты в белых балахонах наматывали на катушки провода, снимая их с ветвей и шестов.

Пулеметчики складывали диски на лодочки-волокушки.

По тропе возле командного пункта гуськом безмолвно проходили к тылу бойцы.

Лес, казавшийся вечером безлюдным и безжизненным, ожила, был полон тихого, сосредоточенного движения.

Подняв из снега несколько касок, мы двинулись вместе с бойцами. Позади раздавались редкие выстрелы.

— Вы понимаете, какой отличный командир Ласкин, — сказал скромной на похвалы Максимцев. — Как он спокойно принял приказ, отставивший всю пятидневную работу полка. Вы

заметили, как он быстро перестроился. Как энергично работал. А ведь совершать отход в условиях, когда все организационно и психологически нацелены на движение вперед, — значительно труднее, чем наступать.

Мы шли молча, погруженные в свои думы.

Максимцев, шагавший впереди, вдруг остановился.

— Наденьте, — сказал он, — каски, уже совсем светло!

...Лыжный батальон прикрывал отход полка и сам отошел последним. В этот день сильный удар по неприятелю был нанесен на другом участке.

ИНТЕРВЬЮ НА ЛЕСНОЙ ТРОПЕ

Мы шли, размышая о том, почему дан приказ об отходе. Еще ночью мы видели, как бойцы готовили флаги, чтобы водрузить их на высоте 187,9. Они вызывали друг друга на соревнование — кто первый взойдет на высоту.

Мы возвращались в редакцию с пустыми руками. Мы должны были дать в газету полосу с описанием штурма высоты, а штурм не состоялся и три наших похода на командный пункт к Ласкину оказались бесплодными для газеты, требовавшей каждый день оперативного материала. Мы предвидели недовольную мину редактора, и тем более внутренне необходимо было для нас выяснить — почему полк, не испытывая давления противника, отошел.

Мы не знали, что командование послало полк Ласкина в обход фланга неприятеля для того, чтобы заставить противника перебросить сюда силы с другого участка, где действительно замышлялся удар. А когда противник сделал то, что от него требовалось, командование приказало полку отойти на исходный рубеж.

Но в тот момент никто в части этого не знал, и мы устали возвращаться по лесной тропе, обгоняя медленно движущихся раненых и теряясь в разноречивых догадках.

...Совсем с иным настроением пять дней назад, то перескакивая с кочки на кочку, то проваливаясь по колено в снег, мы шли к командному пункту Ласкина. Уже были готовы две корреспонденции в газету, составленные по донесениям в политотдел.

— А не раешник ли это? — сказал Максимцев, прочитав эти донесения.

«Раешниками» он называл всякие преувеличенные рассказы об ужасах и подвигах. Он иронически относился ко всяkim приукрашенным повествованиям «очевидцев».

Максимцев понимал, что многое и в донесениях диктуется не самим поступком или подвигом бойца, а уже сложившимся штампом донесения. Он нам легко доказал, что один эпизод — явный «раешник», и это заставило нас усомниться в точности второго.

Проверив, мы убедились, что поступили правильно. Заметки не были посланы в газету.

В донесении восхвалялся красноармеец Б., который, рискуя своей жизнью, бросился на финского офицера, угрожавшего младшему командиру, и ударом штыка спас жизнь своего командира.

Вообще на фронте было немало случаев, когда бойцы самоотверженно бросались вперед, чтобы своим телом заслонить командира или комиссара или выручить их. Эти факты сразу пропагандировались газетой, поэтому нам хотелось написать заметку и о красноармееце Б.

Но, хотя донесение и толковало поступок красноармейца Б., как героический, в действительности дело обстояло иначе.

После одной стычки финны отошли, оставив на снегу раненого. Боец Б. и младший командир З. поползли к раненому, чтобы взять его в плен. Приближившись, они увидели, что к этому же раненому уже подобрался финский офицер. Офицер взвалил на плечи раненого и понес его в свою сторону. Тогда младший командир, решив взять в плен обоих, выскочил из-за куста и с винтовкой наперевес устремился на белофинна. Офицер, увидев приближающегося З., бросил в снег раненого и выхватил «пукко»¹. Испугавшись за жизнь своего командира, боец Б. появился из-за дерева, сзади, и ударом штыка уложил офицера. Хотя факт выручки имелся здесь налицо, но возникла естественный вопрос — нуждался ли

¹ «Пукко» — финский нож.

командир, вооруженный винтовкой, в такой выручке и не было ли это, по сути дела, уклонением от более трудной задачи — взять обоих противников в плен живыми?

Разговор о подвиге в данном случае был преувеличением.

Так отпала одна корреспонденция.

Второй случай был сложнее.

Донесение из соседнего полка прославляло артиллериста Н., выкатившего орудие на линию огня и прямой наводкой уничтожившего неприятельский блиндаж.

Действия полковой артиллерии прямой наводкой газеты также стремились пропагандировать. В условиях лесной войны, когда бой идет на близких дистанциях и перед атакой нужно разбивать искусно замаскированные блиндажи и капониры, наиболее эффективно и целесообразно действовать прямой наводкой.

Однако, как мы выяснили, артиллерист Н. далеко не отличился в этом деле.

Получив приказание командира полка выдвинуть орудие, он упорствовал в нежелании перетащить его вперед. В дело вмешался командир дивизии, орудие было выдвинуто. Огнем этого орудия был разбит блиндаж и оказана существенная помощь стрелкам. Попадание сообщало, что артиллерист Н. «блестяще справился с заданием». Но была ли в том заслуга артиллериста Н.?

Вообще в условиях сложного театра Финляндии, как об этом писал еще Денис Давы-

дов в своих воспоминаниях о войне 1808 года, надо быть готовым отказаться от привычных методов использования оружия и находить новые возможности.

В Суоярви несколько ночей мы провели вместе с молчаливым и скромным полковником-артиллеристом.

Как-то ночью, придя из редакции, мы спросили у полковника, который, готовясь ко сну, крахтя стягивал с себя гимнастерку:

— За что вы получили орден?

И он рассказал один эпизод из прошлых боев в Карелии в 1922 году.

Командир отряда курсантов артиллерии, бывший офицер, получил приказ разобрать орудие и так, в разобранном виде, протащить его лесом по снегу в тыл противника.

В определенный момент орудие с тыла должно было открыть огонь по высоте, занятой шлюцкортами. Зная о непроходимости леса, считая приказ невыполнимым, командир застрелился; тогда из числа подчиненных ему курсантов нашелся один, который принял на себя командование группой. Он приказал разобрать орудие. Под его руководством с огромными трудностями орудие протащили по лесу выше двадцати километров. Там оно было собрано и в назначенный момент открыло огонь по тылам противника.

Шлюцкортцы сочли себя обойденными большими отрядом (еще бы не большим, когда с отрядом действует артиллерия!) и откатились.

Задание было выполнено, курсант, принявший на себя командование, получил награду.

Этим курсантом и был ваш покорный слуга, — весело закончил полковник и добавил: — Мороз был чортовский, вроде теплешнего, а на таком морозе собирать орудие — это, я вам доложу, удовольствие небольшое.

На полковом пункте медицинской помощи (ППМ) у проселочной дороги, перед тем, как свернуть на лесную тропу, ведущую в тыл к белофиннам, мы выбирали себе автоматы и каски.

У палаток ППМ всегда было оружие, которое приносили сюда раненые.

За несколько дней до описанного нами в землянке Ласкина на этой тропе у нас произошла действительно неожиданная встреча.

Трое суток нас волновала судьба лыжного батальона, ушедшего в глубокий рейд по тылам неприятеля.

Батальон должен был возвратиться вчера, связь по радио была потеряна с ним еще за день до того.

На тропе мы встретили утомленного бойца в балахоне, накрахмаленном морозом. Он шел, поддерживая здоровой рукой раненую руку.

— Что с лыжбатом? — встревожились мы.

— Вышел, — ответил боец, радуясь вниманию. — Вышел, — повторил он. — Вот там поза-

ди командира Зеленкова везут. Вчера утром ранило в югру, вторые сутки тянем.

Мы убыстроили свой шаг, и через несколько минут навстречу из-за поворота показалась группа бойцов в таких же топорщащихся, замерзших халатах.

Двое тащили фанерную лодочку-волокушу.

На лодочки, напоминающей укороченную лыжу самолета, укрытый полушибками лежал раненый командир лыжбата старший лейтенант Зеленков.

Пожелтевшее, небритое лицо с темными синеватыми кругами под глазами было страшно. Только лихорадочно блестевшие глаза свидетельствовали, что жива еще огромная воля этого человека, пятого суток водившего за собой батальон в лесу, по глубоким снегам, на морозе, без костров, в непрестанных схватках.

— Как вы себя чувствуете, товарищ Зеленков?

— Ничего, товарищи, совсем хорошо, я еще песни петь могу, — ответил он, бодрясь.

В это мгновенье волокуша, на раскате поворота, накренившись, ткнулась о корягу.

Страшная боль внезапно передернула лицо Зеленкова.

Он вскрикнул, и мы увидели, что он теряет от боли сознание. У него были перебиты кости бедра. Каждый толчок отзывался болью во всем теле.

Через минуту, совладав с болью, Зеленков снова заговорил.

Мы вытащили записные книжки и, закинув за спину винтовки, пошли рядом с лодочкой Зеленкова.

Чтобы не помешать движению волокушки и как-нибудь случайно не потревожить ноги раненого командира и боясь пропустить хоть слово несколько несвязного рассказа, мы шли стороной от тропы, зачерпывая валенками снег.

Лежа на спине, запрокинув голову, глядя на небо и стараясь не шевельнуться, Зеленков рассказывал про поход своего батальона.

Он говорил о пятидневном походе лыжников по снегу, о внезапных налетах на неприятельские базы, о том, как в тылу у противника батальон оседлал дорогу и подстерег двигавшиеся к фронту обозы и как ранен был там комиссар Футер.

Он рассказывал о ночевках без костров в глубоком снегу, о том, как обогревались бойцы в нюхах, которые они вырывали в занесенных снегами стогах сена.

Он рассказал о том, как испортилась походная радиостанция и как затем она снова совсем не во-время заработала...

В тот день лыжбат незамеченным подобрался к населенному пункту. Дымки над домами, оживленное движение людей и двуоколок указывали, что здесь расположился штаб значительной группы. Лыжники подготовили все, чтобы на рассвете внезапным ударом уничтожить этот штаб. Но вдруг снова засработала рация, и был получен приказ. Предла-

галось, не обнаруживая себя, отойти и удастся противнику во флаг у высоты 187,9.

Зеленков, видимо, жалел, что не ударил по неприятельскому штабу. Он был убежден, что уничтожить штаб не стоило большого труда, и все же не решился нарушить приказ.

И теперь, лежа на волокуше, глядя лихорадочно блестевшими глазами в глубокое синее небо, рассказывая нам, — он как будто оправдывался в том, что не принял на свою ответственность этот удар.

Он казалось, забыл, что батальон рассеял в неприятельском тылу не один отряд, что в течение суток лыжники яростно дрались за высоту, что сам он был ранен в этом бою и, раненый, лежа на волокуше, страдая от боли и мороза, двое бесконных суток продолжал командовать батальоном.

Он помнил только о том, что считал своей ошибкой, и стремился объяснить и нам и себе, как все произошло...

Так, разговаривая, добрались мы до полкового пункта медицинской помощи.

Бойцы подняли волокушу на руки и внесли раненого командира в палатку.

Женщина-врач, склонившись над операционным столом, перевязывала бойца. Запахи эфира, карболики и иодоформа ударяли в голову и действовали одуряющие на людей, волнивших сюда с морозного лесного воздуха.

Зеленков старался не смотреть на работающего хирурга, он продолжал рассказывать и говорил громко, стремясь заглушить и стоны

раненых, ожидающих отправки в тыл, и бренчанье инструментов, которые сестра бросала в стерилизатор.

К Зеленкову подошел фельдшер со шприцем в руке. По заведенному на пунктах медицинской помощи порядку всем раненым впрыскивали противостолбнячную сыворотку.

Эта прививка спасла не одну тысячу жизней.

Зеленков исподлобья покосился на фельдшера и отстранил шприц.

— Не надо, — раздраженно сказал он.

— Это обязательно для всех, — настаивал фельдшер.

— Не хочу...

— Товарищ Зеленков, вы должны подчиниться, — сказала высокая женщина в буденновке и длиной кавалерийской шинели, врач лыжбата.

— Нет, ни за что! — тревожно озираясь, повторил раненый.

Он боялся этого шприца, он боялся, что его усыпят и, воспользовавшись сном, отнимут ногу.

— Не троньте меня. Дайте я немножко отдохну, сперва доскажу товарищам все, а потом делайте со мной что хотите, — упрямо твердил Зеленков.

Врач пожал плечами и отошел к очередному раненому.

Мы продолжали записывать. Рассказ Зеленкова стал прерывистым, командир лыжников повторялся, он говорил как в бреду.

— Подождите отправлять Футера, — обернулся он к врачу. — Мы поедем вместе. Положите нас в госпитале на соседних койках. Мы дрались вместе, нас вместе ранили, и лечите нас вместе...

— Ладно, ладно, все будет в порядке, — сказала женщина в буденновке кротко, словно разговаривала с маленьким ребенком.

— Если увидите «Ноль двадцать» — расскажите ему, что лыжники выполнили приказ, — просил Зеленков, пряча под изголовье полевую сумку...

«Ноль двадцать» был шифр командира дивизии товарища Понеделина. Каждый командир части имел такой номер, подразделения же обозначались то планетами, то названиями рек или городов.

Предосторожность эта была необходима.

Неприятельские разведчики часто включались в провода, подслушивали, а иногда даже пытались дезориентировать наших командиров.

Помнился, в страшный мороз в землянке майора Дряхлова мы застали возбужденного командира-артиллериста товарища Бабаскина.

— Продолжать огонь! Цели — прежние, — кричал он в трубку.

В тоне этих выкриков в телефон и во всех движениях Бабаскина странным образом сочеталось удовольствие с возмущением.

— Понимаете, — обратился он ко всем находившимся в землянке, — этот сукин сын говорит мне:

— Бабаскин, прекрати огонь, по своим стреляешь!

Смотрю на карту и не пойму — откуда там быть нашим? Спрашиваю:

— Кто говорит?

Отвечает:

— Не узнаешь? Это я — Юдин.
Тут я сразу все понял, но спросил:

— А что ты там делаешь, Юдин?
— Связь налаживаю!

— Ах так!! (Бабаскин снова смаочно выругался). — Я и приказал продолжать шквальный огонь по прежним рубежам...

Все вокруг засмеялись. Заметив, что мы недоумеваем, Бабаскин пояснил:

— Юдин-то уже два дня как в Петрозаводске. А они думали меня подловить, включились в провод, хотели провести Бабаскина. Ну, уж если взмолились и просят прекратить огонь, значит жарко им приходится.

И командир-артиллерист снова схватил трубку и приказал усилить огонь...

...Когда мы рассказали о действиях батальона Зеленкова, комбриг Понеделин и комиссар дивизии товарищ А. Д. Окороков изумились:

— А откуда вы все это знаете?

— Мы только что оттуда.

Товарищи взглянули на нас с недоверием.

— Не может быть, полк Ласкина действует в тылу у противника и пройти туда нельзя.

— Вот этого-то мы и не знали. Скажи нам

кто-нибудь об этом раньше, вероятно мы не пошли бы к Ласкину.

Убедившись в том, что мы действительно прибрались лесом в полк, комбриг стал к нам необычайно внимателен и ласков.

Каждый раз из разговоров с Понеделиным и Окороковым мы многое узнавали и многому учились.

Беседуя с комбригом, мы всегда чувствовали, что у него за плечами богатый боевой опыт.

...О том, что Понеделин награжден орденом Ленина, мы, работая в газете, узнали раньше, чем он. Мы его поздравили.

— С чем? — спросил комбриг.

— С орденом Ленина.

— В самом деле? Ах, как будет радоваться моя дочка! — вырвалось у Понеделина, и лицо его засияло.

Затем он взглянул на нас — работников газеты — и, немного смущившись, пожимая нам руки, сказал:

— Конечно, я сам очень рад, мне еще отрабатывать и отрабатывать эту награду, но ведь дочурка-то в тысячу раз более счастлива...

...Итак, мы возвращались от Ласкина, размышиля — почему дан приказ об отходе.

...В подшлемниках, полуушубках, в ватных шароварах и валенках, подняв воротники шинелей и укутав лица, мы страшно мерзли в эту ночь. Мороз был больше сорока градусов.

Десятки километров пути до редакции в кузове открытого грузовика пугали нас.

Ночь была ясная. Сквозь заиндевевшие и слипающиеся от мороза ресницы звезды казались мохнатыми. Пар дыхания застыпал, и вскоре подшлемник у рта и носа покрылся ледяной коркой. Теперь мы не дышали, а маленькими глотками принимали холодный воздух, от которого немели зубы.

И в этот мороз рядом, совсем близко лежат, закопавшись в снегу, десятки тысяч наших замечательных бойцов!

...Когда, среди ночи, закутанные, задыхаясь от мороза, мы вошли в помещение редакции, восемнадцатилетняя машинистка Аня Серова, комсомолка-доброволец, оторвавшись от машины и сказала:

— Слышали? Леня-то наш, Коробов, — герой!

Коробов спал среди других сотрудников газеты на нарах, построенных тут же в комнатах, где протекала вся работа редакции, и время от времени громко произносил какие-то бессвязные слова...

ДЕНЬ, В КОТОРЫЙ НЕ БЫЛА НАПИСАНА ЗАМЕТКА

Он хорошо знал тактику воздушного боя, но ничего не смыслил в тактике пехоты. Он открыто в этом признавался, и чтобы узнать пехоту, он с самого начала войны почти все время находился в передовых группах, ведущих бой. Такой уж у него характер: все видеть своими глазами, испытать на собственной шкуре, узнать из своего опыта.

Он был неразлучен со своим «Контаксом», который доставлял ему не мало неприятностей: не раз бойцы задерживали Коробова и приводили в штаб.

На первых порах выручал корреспондентский билет «Комсомольской правды». А затем Коробов стал активным работником фронтовой армейской газеты и давал корреспонденции из той части, вместе с которой он перешел границу.

...В середине января шли ожесточенные бои на подступах к станции в укрепленной полосе противника.

Наступая, подразделение товарища Косова с боем заняло господствующую над местностью лесистую высоту «Безымянную».

— Коробов, ты лучше других знаешь эту часть, немедленно отправляйся и напиши о взятии высоты, — приказал редактор, не любивший, чтобы кто-нибудь из сотрудников больше суток находился в редакции.

Леня поколдовал над черным мешком, в котором он перезаряжал кассеты для своего фотоаппарата «Контакс», и, довольный тем, что его желание — поменьше находиться в редакции и побольше бывать с бойцами — совпадает с желанием редактора, — с попутной машиной отправился к взятой высоте.

Не желая тратить времени и стремясь, как всегда, все увидеть и получить из первых рук, Коробов не стал задерживаться в песчаной яме, прикрытой бревнами, командном пункте полка. Здесь ему нужно было раздобыть только маскировочный халат.

Выбравшись по узкой норе из блиндажа командира, он облачился в халат, сделавший его похожим на сугроб, и отправился к высоте Безымянной. Эти четыреста метров он пробирался то бегом, в полный рост, то пригибаясь и припадая к снегу, то на локтях, ползком.

Так он подполз к товарищу Косову, но поговорить с капитаном ему не пришло.

Противно вздыхая, ляпались прилетавшие из-за леса мины, рвались снаряды, сбрасывая с мохнатых ветвей слежавшийся колючий снег. И все это покрывалось неумолчной стукотней автоматов, напоминавшей бывшему электрозварщику Коробову оглушительный перестук

64

пневматических клепальных молотков в котельном цехе.

Присмотревшись, Коробов увидел, как внизу в лощине несколько снежных пригорков внезапно ожили, увеличились в росте и, быстро передвинувшись поближе к высоте, снова стали неразличимыми — то ли спрятались за частыми заснеженными стволами, то ли припали к земле.

Так начиналась контратака. Противник, поддерживаемый шквальным орудийным и минометным огнем, бросался вперед, желая взять обратно оставленную им высоту.

Ответный огонь вдруг ослабел. Пулеметы слева от Коробова, захлебнувшись, замолчали.

— Пулеметчики — огонь! — крикнул Косов.

Но тут замолчал еще один пулемет.

Припавший к снегу Коробов увидел, как разгоряченный боем Косов поднялся над щитком «максима» и, выпрямившись во весь рост, на виду у неприятеля, спокойным, медленным шагом пошел к замолчавшему пулемету. Каска его была обтянута марлей, в руках он держал автомат. Замерзшие полы халата волочились, оставляя след в снегу.

— В чем там дело, у пулемета? Ранены, что ли? — громко спросил Косов.

Но ответа услышать ему не пришлось. Медленно, как сугроб, подмыываемый весенным ручьем, Косов осел и вдруг повалился на бок, не выпуская из рук автомата. Каска его откатаилась, скользнула по насту, и Коробов понял, что командир убит.

65

И это увидел не только один Коробов, но только он почти физически ощущал какое-то мгновенно возникшее среди защитников высоты смятение. Не стало командира.

— Кто же будет командовать? — про себя сказал Коробов. Он знал, что при взятии высоты среди командиров было много раненых, но он также знал, что высоту ни за что нельзя отдавать.

Непроизвольно вслух он громко повторил: «Кто будет командовать?» — и стал глазами отыскивать командира. Затем он взглянул вниз. Снежные холмики продолжали двигаться, они достигли уже склона высоты.

С решительностью, удивившей его самого, Коробов громко закричал:

— Командовать буду я!

Глубоко вдохнув морозный воздух, не решив еще, что он будет делать дальше, Коробов тоном команды произнес:

— Объявляю наш отряд отрядом имени Сталина, будем держаться до последнего патрона.

Хотя Коробов и не получил никакого ответа, но он почувствовал, что вокруг него есть люди, которые слушают его и смотрят на него, как на командира.

Лежавший слева от Коробова пулеметчик приподнялся на локте и, разматывая несгибающиеся пальцами индивидуальный пакет, чтобы перевязать рану, сказал:

— Неправильно, товарищ командир.

66

— А что? — недоумевая оглянулся Коробов.

— Будем держаться до последнего белофинна!

— Принимаю поправку, — повеселев, ответил Коробов и лег за щитком молчащего пулемета.

Через прорезь щитка он увидел совершенно отчаянно, как в кадре на кинопленке, продолжавших подбираться к высоте врагов. Сейчас их уже можно было бы достать хорошей пулеметной очередью.

— Пулемет работает?

— Нет, патроны вышли.

— А там? — оглянулся Коробов.

Метрах в двадцати позади лежало несколько коробок с лентами для «максима».

Пулеметчик с искаженным от боли лицом перевязывал рану. Он наматывал бинт поверх шинели, не желая срывать рукав. Коробов торопливо помог раненому, прикрепив жгут штыком. Затем быстро отполз и приволок две коробки с лентами.

Было еще не поздно.

Пулеметчик лежал уже у щитка. Спеша, он заправил ленту. Коробов помогал ему. Через несколько секунд пулемет заработал. Его дробь прозвучала как сигнал. Из-за деревьев тотчас откликнулись и заработали слева и справа еще два наших пулемета.

— Значит до последнего белофинна! — раздуясь огню своих пулеметов, сказал Коробов.

— Так-то лучше, — усмехнулся боец, не

5*

67

отрываясь от пулемета. — Ага, забегали, не нравится...

— Ну, пойду посмотрю, что делается слева, а ты держись...

Не успел Коробов проползти несколько метров, как его окликнули:

— Товарищ командир, возвращайтесь.

Поднявшись из снега, один из бойцов протянул ему автомат.

— Это винтовка командира Косова. Возвращайтесь.

Рядом с бойцом лежали на снегу еще несколько красноармейцев.

— Что вы так лежите? — закричал на них Коробов. — Оканывайтесь!

Земля замерзла, — нехотя отозвался кто-то.

— Все равно, рой, — приказал Коробов.

Чувствуя, что нельзя медлить ни секунды, Коробов, в своем белом халате с развеявшимися полами, побежал вперед к молчавшим пулеметам, выбрал поудобнее позицию и приказал пулеметчикам окопаться. Также движимый стремлением не терять дорогого времени, он пронесся к окопам стрелков и, на ходу приказывая бойцам немедленно закапаться в землю, нацепил еще шесть бойцов, владеющих пулеметами.

Он перебегал от снежного окопа к окопу, приволок к каждому пулемету по 4 коробки патронов, нашел валявшиеся в снегу три ручных пулемета, перевязал раненого лейтенанта и трех пулеметчиков и положил их за руч-

68

ные пулеметы, дал им в помощь шесть здортовых бойцов, чтобы дозаряжали пулеметные диски и подносили патроны.

Когда все это было проделано и порядок был наведен, он с удовлетворением огляделся и решил проверить боеспособность своей обороны.

— А ну-ка, братцы-ленинградцы, проверим, как мы стреляем! Без команды ни одного патрона!

И он скомандовал не по-уставному:

— Начинай!

И сразу семнадцать пулеметов откликнулись на эту команду.

— Вот это огонь! — с удовлетворением сказали пулеметчики. — Вот это жахнули!

И каждый лежавший в обороне боец почувствовал, что есть управление боем, и приободрился.

Что подумал об этом внезапном пулеметном залпе неприятель, останется навсегда неизвестным.

Наступила пауза. Бойцы окапывались, с трудом врезаясь лопатками в мерзлый грунт.

Воспользовавшись краткой передышкой, Коробов попросил раненого пулеметчика научить его стрелять из «максима».

Собираясь отбить высоту, финны подтянули отряд егерей. Наступлению предшествовал огневой налет минометов и артиллерии. Затем егера пошли в атаку...

Несколько раз Коробов порывался дать команду, чтобы пулеметчики открыли огонь.

69

Уж слишком волновал его вид неуклонно приближающегося противника. Но, вспомнив картину «Чапаев», он все время сдерживал себя и шептал настороженным бойцам:

— Тише, тише! Подпустим еще!

А когда егера были уже близко, он скомандовал:

— За родину, огонь!

И бойцы дружным огнем откликнулись на призыв Коробова.

У крутых скосов высоты, где пулеметчики не могли видеть подбирающегося противника, бойцы забрасывали подползающих егерей гранатами. Еще перед атакой Коробов приказал каждому разложить в окопах перед собой гранаты и патроны, чтобы в бою все было под рукой...

Егера, получив неожиданный отпор, откатились, оставляя на месте убитых...

Снова наступило затишье.

Командный пункт полка находился позади, в лесу, метрах в четырехстах, и Коробов пошел повидаться с командиром полка, чтобы рассказать ему о делах на Безымянной высоте. Коробов надеялся, что майор пошлет командовать отрядом опытного человека, а сам он сможет заняться своими корреспондентскими обязанностями.

Майор молча выслушал взволюванный рассказ Коробова.

— Так я и командовал, — с усталой усмешкой закончил Коробов и замолчал, ожидая, что скажет майор.

70

— Продолжай командаовать, — ответил командир, — возвращайся обратно. Держитесь крепко!

И Коробов отправился обратно в свой отряд.

Еще издалека он услышал частые разрывы мин, как раз на участке своего подразделения.

«К новой атаке готовятся», — подумал корреспондент и заспешил.

Мерзлые ветви царапали ему лицо, сыпали в глаза колючий снег. Обгоревшие у костра валенки продрались, и от влажного холода, проникавшего сквозь шерстяные портняки, немели пальцы.

...Отбили и новую атаку.

Стрелки, пулеметчики снова без выстрела подпустили наступающего противника, сосредоточившего удар во фланг коробовскому отряду.

Никогда в жизни Леня не думал о том, что так трудно удержаться от выстрела, что так мучительно не стрелять по противнику, приближение которого видишь.

Нетерпение бойцов передавалось ему какими-то невидимыми токами. Он напрягал все свои нервы и безмолвно уговаривал себя выждать еще секунду, другую. Зато с каким огромным чувством облегчения принималась долгожданная команда:

— Огонь!

И когда затем точный огонь вдруг останавливал приближение солдат, причем одни из

71

них оставались недвижимыми на месте, а другие начинали отползать назад — сердце каждого бойца наполнялось чувством удовлетворения, и каждый всем своим существом понимал: «да, стоило пережить это мучительное нетерпение».

Как всегда, тишина, наступившая после атаки, была непонятной и неожиданной. Каждый шорох, даже падение снега с ветки, казался шумом, который долетает и до противника. И поэтому резкий голос подошедшего к окопу человека заставил Коробова вздрогнуть.

— Товарищ командир, прибыли в ваше распоряжение. Товарищ командир...

Это произнес младший лейтенант, но Коробов не дал ему договорить.

— Залезай сначала в окоп, потом доложишь, — приказал он.

Прибывший забрался в окоп.

— Там еще есть бойцы, я их положил в лесу.

— Сколько вас?

— Семеро.

— Здорово, — обрадовался Коробов. — Ройте себе немедленно окопы.

По сучьям, сбрасывая снежную пыль, стучали пули. Над головой с хриплым гудением пронесся снаряд. И хотя Коробов и младший лейтенант знали, что снаряд идет высоко и, стало быть, безопасен для них, они не могли удержаться, чтобы не пригнуть головы.

72

— Как к вам обращаться, товарищ командир, какое ваше звание?

У Коробова не было никакого военного звания, на мгновенье он задумался.

— Военный корреспондент, — нерешительно ответил он.

— Таких званий не бывает, — уверенно сказал младший лейтенант.

— Ни черта, на войне все бывает, — уже весело отозвался Коробов и стал считать рукамицией иней, покрывавший затвор автомата.

С наступлением темноты на высоту пришел отряд лыжников, и Коробов передал командование начальнику отряда старшему лейтенанту Рябчикову, — таков был приказ майора.

Шатаясь от усталости, Леня медленно шел к командному пункту. Мысли толпились в голове, сталкиваясь и обгоняя друг друга, и он никак не мог их привести в порядок.

Было холодно, хотелось спать.

И вдруг он вспомнил: в редакции ждут его материала, для него оставлена первая полоса, а он — Коробов — не может дать ничего дальнего, он даже не записал фамилии лучших бойцов...

Он сидел в землянке, прислонившись спиной к стене, с которой от гуда артиллерийских выстрелов тонкими струйками стекал песок. Сточившимся карандашом он спеша набрасывал корреспонденцию о высоте. Буква налезала на букву, слова не подчинялись ему.

73

В землянке было тепло, но Коробова знобило.

— Отдохни, — сказал майор, — выспись.

— Что вы, товарищ майор, заметки надо писать, а то мне в редакции влетит.

— Ну, ты помог нам отбиться от финнов, а мы поможем тебе отбиться от редактора, — улыбнулся командр.

...Утром, пробираясь в тыл, Коробов остановился у костра, вокруг которого гремели красноармейцы.

— Ты случайно не с высоты Безымянной, — спросил боец, рассекая топором промерзшую ражаную буханку.

— А что? — насторожился Коробов.

— Правда, что у вас там какой-то корреспондент командовал? — спросил боец и стал раскладывать на угольях нарубленные ломти хлеба.

«Откуда они знают?» — подумал Коробов и ответил:

— Было такое дело.

РАЗГОВОР В БАНЕ

— Вот я начнем очерк о тебе, Леня, — сказал один из нас, выплескивая из шайки воды на грудь раскалеченных камней.

Вода зашипела, и туское облако пара поднялось к потолку.

— А может быть, лучше начать с неприятностей Коробова в редакции, о его «дезертирстве» из Москвы на фронт? — высказал

предположение другой, стараясь смыть ходячей водой попавшее в глаза мыло.

Это был один из редких часов настоящего блаженства, которое приходилось испытывать на фронте. Мы мылись в настоящей бане! Она была тесна, из-под двери тянуло холодом, оконце заледенело. Но все-таки мы были в бане, в настоящей бане! А это случалось не так часто.

— С чего хотите начинайте, — отозвался с полка, с удовольствием щелкавая ладонями по мокрому телу. Леня Коробов, — только не отступайте от фактов.

— А мы, по правде сказать, перепугались, услыхав, как ты дрожал и бредил вчера на нарах.

— А ты не дрожал бы? Насквозь промерз, а потом все-таки нервное напряжение! Ведь после этого меня вместе с полиграфом Бибюмом почкою послали ловить кукушек, они там к самому командному пункту подобрались. Я говорю — «устал, дайте отдохнуть». А мне говорят: «Ты на фронте и приказ есть приказ». И вот опять пошли в лес, темно, холодно, неприятно. Видишь, как трассируют пули, и кажется, что каждая — прямо в тебя. Мы поняли, где они сидят. Как только они почувствовали, что мы им заходим со спины, сразу на лыжи и — ходу.

Из бани мы не выходили, пока дно кадок покрывала вода. Счастливые тем, что можно было снять с себя одежду, покрытые хлюпья-

74

75

ми мыльной пены, мы сидели на полке, мылись и разговаривали обо всем.

— Моя старуха дома соскучилась, письма шлет, — говорил Коробов о молодой жене.

— Знаешь, у Понеделина в дивизии здорово кормят. К чаю каждый раз сгущенное молоко.

— Лучше черных сухарей ничего нет. И зубы белыми становятся после, и в дороге развлечения...

— А коссовский автомат видели? Я его в редакцию принес.

Потом мы говорим о лыжах, экзаменуем друг друга, как надо ходить в лесу по компании, — мурлычим под нос: «Позаастали стежки-дорожки, где мы гуляли после бомбекки». Много мы еще о чём говорим. Ругаем Васю Теркина, хвалим Вася Гранаткина и всегда неизменно приходим к разговору о том, как надо писать во фронтовой газете.

Почему нам не нравится Вася Теркин, чьи экстравагантные, лишенные реального смысла похождения днем ото дня описывались в стихах на страницах газеты «На страже Родины»? Ему ничего не стоило оседлать спарайд. Его похождения были чем-то средним между хвастовством Мюнхгаузена и уловками бушевского Макса и Морица.

Облик Василия Гранаткина (под этим собирательным псевдонимом в газете работали поэты А. Безыменский, Александр Прокофьев и А. Сурков) нам казался более симпатичным. Гранаткин вмешивался во все неполад-

76

ки и едко высмеивал виновников, он хорошо знал жизнь фронта и оперативно откликался на злобу боевого дня басней, частушкой, песней. Вася Гранаткин помогал командование в деле воспитания бойцов в чрезвычайно сложной обстановке. Не случайно, как мы узнали потом, бойцы присыпали в редакцию нашей газеты письма с просьбой наградить Вася Гранаткина, не зная о том, кто это такой.

В боевой газете, которая читается под огнем, всякая фальшивь больно режет слух и мешает политической работе.

Так разговаривая, мы оделись и в наступивших ранних сумерках дошли до здания редакции. В одном из грузовиков-фургонов походной типографии уже работал движок. Его энергия приводила в действие ротационную машину, и утром на самолетах на самые отдаленные участки заброшенного в далекие леса фронта доставлялись пахнущие краской газеты, которых ждали бойцы так же, как хлеба и боеприпасов.

У входа в редакцию стоял командир и просил часового вызвать кого-либо из редакции. Мы оказались в таком же положении. Мы, как и он, не знали нового пропуска. Часовой не имел права нас пропустить. Из этого затруднения вывела машинистка редакции Аня Серова.

Чтобы не погрешить против правды, надо сказать, что эта розовощекая милая девушка не была блестящей машинисткой, она стучала

77

по клавишам двумя пальцами, но зато работала безотказно по двадцать часов в сутки. Она замечательно вела себя во время тревог, спокойно работала во время налетов финской авиации, всегда была весела, заразительно смеялась всякой чепухе и становилась грустной лишь, вспомнив об отце. Отец ее был бойцом-связистом. Аня давно не получала от отца писем.

Она была единственной девушкой в нашей редакции, и самой молодой из всех нас. Не хочется повторять троици, но следует сказать, что ее присутствие облагораживало наши беседы. И это становилось особенно заметным, когда она отсутствовала.

Сейчас она шла из столовой военторга, торопилась в редакцию. Ее ждали там Сантиго и Огин, чтобы диктовать свою статью. Она шепнула:

— Пропуск: «пулемет».

И мы вслед за ней по темной скользкой лестнице поднялись наверх.

Первое, что нам бросилось в глаза в редакции, это — забинтованные лица и руки Сантиго и Огина (Шуэра); товарищи только что прибыли из части.

— Что с вами? Ранены?

— Нет, обморожены, чорт возьми, — выругался Сантиго и, размахивая руками, стал объяснять, как это произошло.

В сегодняшнем номере газеты была запомнившаяся нам фраза: «Нам не страшен никакой мороз».

78

— Вот ты говоришь — «нам не страшен мороз», — а посмотри в зеркало.

— Ну, и что же? Всякое бывает.

И здесь зашел общий разговор о недопустимости бахвальства и хвастовства в газетах.

Армейские и дивизионные газеты играли огромную положительную роль, изо дня в день они учили бойцов искусству борьбы в суровых условиях, они передавали опыт лучших подразделений. Газеты являлись важнейшим средством политического воспитания на войне. Однако бывало, что на страницы газет попадали заметки, в которых трудности умаливались, а противник изображался трусливым и неумелым.

Сантиго и Огин были оперативны, большую часть времени проводили в действующих частях. Они жадно присматривались к людям.

Вот и сейчас они рассказали о поваре ротной кухни одного из полков, сражавшегося у Лоймалы, — бойцы называли ее «Ломайла».

Рота лежала в окопах. Кухни были укрыты позади в лесу. Отсюда выделенные взводами бойцы доставляли товарищам горячую гречневую, пшененную кашу, гороховую похлебку со свининой, поваристые ици, кипяток, ячменное кофе. Часть пути можно было пройти не сгибаясь, но остальную — ползком.

Повар был на боевом посту.

Он хотел знать, довольны ли бойцы его работой.

79

Закончив раздачу обеда, он сам пополз к бойцам.

Под огнем он переползал от ячейки к ячейке, спрашивал у красноармейцев — довольны ли они едой и чего еще хотят от кухни.

Вечером он возвратился к себе.

— Ну что тебе сказали бойцы? — спросил повара командир. — Довольны ли твоей работой?

— Так точно, товарищ командир, всем довольны, только одни... — и командир замялся.

— Что один? — заинтересовался командир.

— Да вот один говорит, что он кашу не любит.

— Что же ты теперь с ним будешь делать? — усмехнулся командир.

— Буду отдельно миску с макаронами для него ставить.

Санито и Огин рассказывали бы еще, но здесь в комнату вошел секретарь редакции батальонный комиссар Лившиц и недовольно сказал:

— Что вы все разговариваете? Писать надо, материал должен быть сдан, — тут он посмотрел на часы, — через час сорок пять минут...

И сразу в комнате стало тихо, каждый промстился там, где ему было удобнее писать.

А нужно было обладать известным проворством, чтобы сделать это в редакционной тесноте.

Через минуту скрипели перья, двумя пальцами стучала по клавишам машинки Аня, слы-

80

шалася с нар храп товарища, уже успевшего сдать свой материал.

Снизу, с первого этажа, из помещения, в котором раньше помещалась лавка «Каирра катала», — доносилось стрекотание кинопередвижки — гордости Алахвердова, командира связных самолетов.

Связные самолеты — отряд гражданского воздушного флота — проделывали большую и сложную работу, перебрасывая почту, перевозя раненых. Они же доставляли газеты и не раз при этом подвергались обстрелу. Летчики работали безотказно на обычновенных почтовых машинах в таких условиях, в которых приходится работать только полярной авиации. Но Алахвердов, заглаза всеми именуемый «Бородой», принимал все это как должное и необходимое и хвастал только тем, что в холодном помещении полуразрушенной лавки он наладил регулярно действующее, отлично затемненное кино, в котором шли картины первого экрана...

И вот сейчас, под стрекот кинопередвижки, мы усердно писали заметки для газеты; мы торопились написать побольше, опустошая записные книжки еще и потому, что через час боевой шофер Николай Платонов должен был подать машину — путь лежал к отдаленному участку фронта на северный берег Ладоги — к Питкяранта.

81

ДОМ С МЕЗОНИНОМ

— Я Ростов второй, я Ростов второй, — настойчиво повторял в трубку полевого телефона связист Кононов. — Я Ростов второй, — сказал он еще раз и с раздражением добавил: — Неужели снова линию порвали?

Позывные Кононова не соответствовали географии. Это было далеко от настоящего Ростова, у скалистых берегов Северной Ладоги. Никакого города тут не было. Одинокий домик с мезонином и с банькой поодаль стоял у дороги, которую обступили занесенные снегом леса. Из окошка мезонина взор, скользя над вершинами деревьев, достигал ледяных просторов озера.

В этом пустынном домике, в мезонине, находилась связная контрольная станция номер два, а проще говоря — три связиста: младший командир Дмитрий Дойлидов, Иван Могутов и Николай Кононов. Вместе со взводом связистов они проложили провод от штаба к отрядам, ушедшем далеко вперед. Они хитро выполнили свою работу, протянув линию на старых телеграфных столбах, укрепив ее среди бездействующих проводов старой сети. Они

оберегали и поддерживали связь на своем участке — полтора километра в каждую сторону.

В любую погоду — в морозную ночь, в метель, когда за несколько шагов нельзя было ничего разглядеть, когда враг мог таиться за каждым сугробом, — они бесстрашно делали свое дело.

Они славились тем, что любое повреждение на линии находили и исправляли не дольше, чем вдвадцать минут.

Сейчас «Ростов второй» был их позывным. Связисты, ушедшие вперед с отрядами, не откликались. Связь работала только со штабом.

— Порвали, — повторил Кононов с досадой.

— Ну, что ж, придется отложить блины, — отозвался Могутов, который месил в миске тесто из муки, оставленной бывшими владельцами дома.

Он вытер руки, оделся, набросил халат поверх шинели и взялся за винтовку.

— Постой, Могутов, подожди, — тихо сказал Дойлидов.

Могутов с удивлением поглядел на командира. Дойлидов стоял у окна. На стекле, покрытом ледяным паноротником, он прорыпал глазок и с вниманием смотрел на дорогу.

— Подожди, — повторил Дойлидов, — кажется, финны.

Сквозь падавший за окном снег Дойлидов различил движущиеся силуэты.

Трос на лыжах пересекали дорогу.

82

6*

83

Когда Могутов подошел к окну, их было больше. Они приближались к дому. Могутов и Кононов схватились за винтовки.

— Ребята, без команды не стрелять, — сказал Дойлидов.

Связисты открыли подсумки, осмотрели свое оружие, быстро вставили детонаторы в гранаты. Они приготовились достойно встретить врагов, когда те ворвутся в дом.

Офицер подошел к крыльцу. Ветер намел к дверям снег. Снег также покрывал ступени. Связисты не выходили из дома с утра, и стальные следы их были занесены. Не увидав следов человеческой ноги, офицер решил, что дом пуст. Но он не поднялся на крыльцо, он помнил, что этот самый дом перед отступлением минировали финские саперы. Он не знал, что прошедшие следом наши бойцы обнаружили и обезвредили запрятанные под крыльцо мины. Офицер с опаской отошел от крыльца и стал заниматься делом, ради которого наряжал сюда со своим отрядом.

Воспользовавшись тем, что на этом участке действовало небольшое количество наших войск, финны пробрались по лесам, чтобы устроить засаду на дороге, питавшей передовые позиции. На дорогу они вышли — около домаика с мезонином.

Попрежнему наблюдая сквозь оледеневшее окно мезонина, Дойлидов шепотом сообщал товарищам о том, что происходит около домаика.

— О, да тут их немало... Еще подходят...

84

Пулеметы ташат... А теперь разбредаются, прячутся за деревьями... Передай: расставляют пулеметы — один в разбитом складе, другой на вышке, — для обстрела озера.

И все, что говорил Дойлидов, связист Кононов передавал по телефону в штаб. Свое сообщение штабу он закончил словами:

— Мы решали остаться здесь, поддерживать связь и наблюдать.

Кононов сказал об этом мужественном решении таким тоном, будто речь шла о самом обыкновенном деле.

Через час зажужжал зуммер. Связисты контрольной станции номер три восстановили порванный провод. Связь с передовыми отрядами была восстановлена, и по исправленной линии с фронта стали передаваться в штаб через «Ростов второй» важные сообщения.

Так как спички у связистов иссякли, они все время поддерживали свет в небольшой коптилке и от нее растапливали печь. Но теперь, когда стемнело, Могутов сам потушил коптилку, чтобы отблески огонька в мезонине не демаскировали станцию.

Было и темно и холодно.

Так прошла первая ночь; и в эту ночь никто из связистов не сомкнул глаз. Утром они обнаружили, что продырявленный глазок снова залиденел.

Связисты слышали, как внизу разговаривали солдаты.

Теперь продыряшить глазок на заиндевевшем стекле было не безопасно.

85

Прогревая пулемет, солдаты на всякий случай выпустили очередь по окошку мезонина. Пули, пробив в стекле маленькие отверстия, пролетели над головой связистов и впились в крашенный белой краской потолок.

Связисты притаились, — новых очередей не последовало.

Сквозь пробитые в окне дырочки товарищи могли наблюдать за действиями противника, не рискуя выдать себя.

Они передавали донесения передовых отрядов в штаб, они передавали приказания штаба передовым отрядам, они сообщали о том, что видели сами.

Враги были слишком близко.

Тот из связистов, который дежурил у телефона, укутывал голову в одеяло, чтобы приглушить голос. Когда же по сигналу наблюдавшего у окна телефонист узнавал, что даже так говорить опасно, он прекращал разговор и только время от времени нажимал зуммер, чтобы на обоих концах провода, слыша сигнала «Ростов второй», знали, что линия в исправности.

И это отдаленное жужжение, доходившее до дежурных связистов на передовых линиях и в штабе, которые, как и командование, волновались за судьбу людей контрольной станции номер два, говорило им:

— Мы живы, все в порядке, мы бодрствуем.

Связь в этот день прерывалась и снова восстанавливалась.

86

Предупрежденные обозы, обходя дорогу, где ждала их засада, двигались по льду Ладожского озера. Тогда белофинны вытащили свои пулеметы к вышке и стали обстреливать черневшие вдали подводы.

Связисты немедленно сообщили об этом в штаб.

— Будет действовать артиллерия, вы наблюдайте, — ответили из штаба.

Товарищи, только что действовавшие как разведчики, стали корректировщиками артогня.

Первый снаряд разорвался, не долетев до вышки.

— Прибавить, — сказал наблюдавший Дойлидов.

— Прибавить, — повторил в трубку Могутов.

Так направляли они смертоносный для неприятеля огонь, приближая его к дому с мезонином, в котором находились сами.

Незаметно прошел день.

Замешанное тесто замерзло.

Единственный котелок с водой был наполовину выпит. А сколько впереди еще таких дней. Неизвестно!

Они подходили к миске с тестом, отрывали по кусочку и жевали.

Опять нарушилась связь.

— Я Ростов второй, я Ростов второй, — повторял дежуривший у телефона, надеясь, что кто-нибудь отзовется.

Не хотелось верить, что связь порвалась.

87

Проходили часы, но никто не откликался. Во вторую ночь спали по очереди.

Стояли знаменитые январские морозы, ход пробивался во все щели и доходил до самых костей. В легком дощатом мезонине мороз гулял, как в лесу.

К утру совсем проргнув, дыша на замерзшие пальцы, трое товарищей решили хоть как-нибудь обогреться.

Раскрыли патроны, выссыпали порох и пытались поджечь его искрой от батареи телефона, но искра была слабой, порох не воспламенился.

В свое время комсомолец Дойлидов, проводя полигитанство по истории, рассказал между прочим о том, что древние люди добывали огонь тренисом. Могутов напомнил ему об этом.

Прорезали небольшое отверстие в сиденьи стула и стали в этом отверстии быстро вращать палку, подсыпая порох. И порох воспламенился.

Так они добыли огонь. И хоть это и было рискованно, они развели небольшой костер в печи, но трубы не открыли, чтобы не выдать своего присутствия.

Глаза слезились от едкого дыма, заполнившего мезонин, трудно было дышать, но руки они все-таки отогрели. Чтобы в следующий раз не приходилось с таким трудом добывать огонь, связисты затеплили коптилку и поставили ее в шкаф.

Много раз подходили к аппарату и голосом,

в котором не сквозило уже никакой надежды, повторяли:

— Я Ростов второй, я Ростов второй.

Ответа не было.

Уже темнело, когда по внезапно просветлевшему лицу подошедшего к телефону Могутова товарищи поняли, что линия ожила, и снова они взялись за свою работу.

Так жили они еще два дня и две ночи, голодая, томясь от жажды, в холода, от которого кочнеет тело, но ни на секунду не прекращали своей работы связистов, разведчиков, корректировщиков.

На пятые сутки им приказано было покинуть мезонин; командование решило уничтожить подтянувшийся сюда финский отряд.

Но выбраться теперь было не так-то просто.

Солдаты все время ходили близ дома, у крыльца был установлен пулемет.

Дождавшись темноты, Могутов осторожно спустился по скрипучей лестнице в первый этаж и стал потихоньку расшатывать замершие створки окна, выходящего к озеру.

Надо было работать бесшумно, останавливаться при каждом подозрительном движении за окном.

Труд этот занял несколько часов. И когда наконец Могутов убедился, что окно может быть раскрыто, его товарищи, неся с собой аппараты, лыжи, оружие, осторожно спустились вниз.

Помогая друг другу, три связиста вылезли

через окно. Никогда они не забудут этой ночи. Она была тихая, звездная, пар дыхания застыпал у губ.

Став на лыжи, бойцы быстро скатались к озеру.

Вдогон им ударили очереди автоматов, но товарищи уже быстро пошли по льду озера.

По озеру рыскал луч прожектора с острова, занятого белофиннами.

Он чуть было не зацепил связистов, но, не доходя до них самую малость, повернулся в другую сторону. Они двигались медленно. Телефонные аппараты казались им очень тяжелыми.

За эти дни товарищи так обросли, прокоптились и исхудали, что в первую минуту наши часовые не признали их. Потом, узнав, что перед ними «Ростов второй», восторженно обнимали и поздравляли их с подвигом.

В тот день комбриг товарищ Коротеев записал в своем дневнике:

«Счастливый день — Дойлидов, Кононов и Могутов вырвались из засады».

О КОМБРИГЕ КОРОТЕЕВЕ И АВТОБАТЕ ИОНЫЧЕВА

С тремя связистами нас познакомил комбриг Коротеев, и приведенные слова из его дневника мы прочитали через день после того, как он их записал.

Это было в одиноком случайно уцелевшем домике в Питкяранта на шоссе.

Просто удивительно, когда успевал Коротеев делать свои заметки. У него, казалось, не было ни секунды свободного времени.

Враг насыпал из леса на то место, которое когда-то было городом Питкяранта.

Линия огня проходила за церковью в ста пятидесяти метрах от домика коротеевского штаба.

Огонь не прекращался. И в минуты, когда наступало затишье, все становились особенно серьезными и напряженными, настолько здесь тишина казалась необычной, таящей в себе непредвиденные опасности.

В Питкяранте он очутился в те дни, когда финны, просочившись мелкими группами по лесам, сконцентрировались на подступах к городу и сильным ударом пытались захватить Питкяранта — узел сообщений с нашими пепереводными частями.

Здесь в момент неожиданной операции противника находились только тылы: госпиталь, автобат, санбат, дивизионный обменный пункт, редакция газеты «Боевой удар» и несколько мелких стрелковых подразделений — около роты.

Внезапный огонь и атака из лесу вызвали замешательство среди тылов и мелких частей. Финны уже рапортовали о своем успехе.

В городе проездом оказался комбриг Коротеев.

Он появился в упомянутом домике, где в то время находился узел полевой связи.

Было темно. При неясном свете коптилки

огромные тени двух связистов и капитана, оставшихся на посту, колебались на покрытых изморозью стенах. Связисты безуспешно вызывали соседние подразделения.

Коротеев приказал им вызвать госпиталь.

Пущенные минометами противника мины разрывались возле домика. Замерзшее стекло было разбито, и дробь автоматов, казалось, раздавалась над самым ухом.

Коротеев, взяв трубку, приказал немедленно бросить к домику роту выздоравливающих и санитаров. Сделав это, он резко повернулся и возбужденно произнес:

— Люблю военную жизнь!

И быстро вышел в ночь, под огонь.

Собрав и объединив вокруг себя шоферов автобата, Коротеев выдвинулся с ними вперед, несколько часов непосредственно руководил боем и отбил прорвавшегося к дороге неприятеля.

Приняв на себя командование в критический момент, он остановил малодушных, воодушевил колеблющихся, здесь же на ходу организовал действенную, активную оборону.

Силами шоферов, санитаров, ездовых, почтовиков и всех тех, к которым обычно — и несправедливо — относятся с некоторым пренебрежением, он отбил неприятельские налеты, сохранил за собой поселок и дороги и выдержал такую осаду, о которой с уважением говорят даже враги.

Удерживая за собой дорогу, люди дрались

на узкой полоске земли у самого берега Ладожского озера.

Противник рвался к берегу не только из лесу.

С островов, занятых белофиннами, также производились вылазки и велся огонь.

На этот участок фронта финны бросили свои отборные части, с многолетней тренировкой для войны зимой среди заросших лесом скал и холмов.

И в борьбе с таким врагом много пользы принесла военная хитрость. У финнов была принята сигнализация с помощью ракет. Направление, по которому надо было сосредоточить огонь, место, куда надо было продвигаться лыжникам, указывалось зелеными ракетами.

Темное ночное небо внезапно прорезала ярко-зеленая ракета, и направление, обозначенное ее полетом, служило ориентиром для стрельбы и движения.

Однако сразу же взлетели к небу десятки таких же ракет в разнообразных направлениях.

Это наши стрелки, раскусившие уловки неприятеля, дезориентировали его.

Среди массы таких противоречивых световых сигналов противник терялся и действовал вразброс.

И много еще других хитростей изобретали бойцы в борьбе с упорным врагом.

Однажды ночью, пробираясь по лесной тропе вместе с майором Носковым, мы замети-

ли в стороне огонь костра. Майор выругался:
— Сколько раз говорилось, чтобы не разводить огонь. Лезут под пули. Дикая беспечность!

И мы направились к костру, чтобы немедля разбросать хворост и притушить пламя.

— Так и есть, — сказал майор, — сидят как у теплиц на именинах!

Мы различили фигуры людей в белых ба-
мбахонах, освещенных отблесками пламени.
Метрах в двадцати от костра, из-за ствола,
выступил боец.

— Товарищ командир... — сказал он.

— Что вы тут себе позволяете? — перебил Носков. — Как куропаток перестреляют.

— Не беспокойтесь, товарищ командир, это не люди, — ответил боец, указав на сидевшие близ костра фигуры. — Мы их из снега вылезли. Ждем, откуда выстрел будет, на живца ловим. Вчера двоих так поймали...

Попрошавшись со связистами, мы направились в автобат, расположившийся в лесной усадьбе шведского помещика Бломквиста.

Это был просторный, построенный со вкусом дом. После всех руин и пожарищ эти комнаты с идеальными миниатюрами на стенах были теплы и уютны до неправдоподобия. Хозяйничал в этом доме комбат Ионычев, полны жизни, жизнерадостный, добродушный, говорун и хлебосольный хозяин.

В этом поместье он словно продолжал традиции хозяйственного помещика. Люди его

всегда были накормлены. Горючее и масло он сохранял в лесу, в нескольких местах, и всегда доставал их словно из-под земли. Машины его всегда были в образцовом порядке, а числом их было больше, чем он их получил.

Подобрав по дороге чужие разбитые машины, скомбинировав недостающие детали, Ионычев буквально на ходу собрал и отремонтировал несколько грузовиков и увеличил свой парк.

Сейчас командир автомобильного батальона занимался не только и не столько автоперевозками, сколько боевыми операциями.

Автобат имел свой боевой участок в полуторастах метрах от усадьбы, и круглые сутки шоферы лежали в снежных окопах в обороне, отбивая противника.

Среди шоферов были раненые и убитые, и Ионычев с тревогой думал о том, как он будет дальше выполнять задания по перевозке грузов, каждому шоферу приходилось работать за двоих.

У Ионычева в автобате была образцовая дисциплина и порядок. И он был убежден, что это происходит в результате его требовательности и строгости и что все подчиненные боятся его.

Он проходил по батальону, привязывая на себя торжественный и строгий вид. Но все видели, что перед ними добряк, никто его не боялся, но все шоферы точно выполняли его приказания, потому что знали, что он их любит, уважает, отличию знает машину и не раз с ними

ходил в бой. И они отвечали ему любовью и уважением.

— Вы посмотрите, какие у меня орлы! — произнес Ионычев и рассказал о том, как под огнем из разбитой почтовой машины его шоферы, отстреливаясь от врага, вытаскивали мешки с государственной почтой.

— Ночевать вы будете у меня, — сказал он.

Но перед ночевкой нам предстояло еще побывать на острове. Остров этот раньше был хозяйственным центром города и района. Здесь находился большой целлюлозный комбинат. Покидая город, финны не сожгли завода, а только успели испортить оборудование.

Высокие трубы целлюлозной фабрики были превосходным ориентиром. Уходя из города, неприятель поджег лежащие на острове большие запасы каменного угля. Мы видели пламя горящего угля в первых числах декабря, но и в конце марта уголь продолжал еще гореть.

В зимней ночной темноте то утихающее, то вспыхивающее зарево этого пожара было видно на много километров. На это пламя ориентировались наши разведчики, ездовые, — о них разговор впереди, — и тяжелые бомбардировщики во время своих ночных полетов.

Вся эта картина: уголь, медленно горящий на берегу лесистого острова, пламя, в отблесках которого, тихо и непрерывно кружась, падали пушистые хлопья мокрого снега, — была сказочна.

На этом острове в зданиях бывшего рабо-

чего поселка и наскоро разбитых палатках был расположены дивизионный госпиталь.

Рядом с госпиталем на лед озера ежедневно под огнем снижались санитарные самолеты. Они уносили в глубокий тыл тяжело раненных и доставляли сюда консервированную кровь, которую с охотой давали для фронта люди Петрозаводска и Лодейного поля.

С этого острова обходным путем по льду отправлялись подводы с продовольствием, боеприпасами для передовых частей...

Но в тот вечер на острове, в лесу происходило молчаливое сосредоточенное движение, в темноте позывали котелки.

Стоял такой мороз, что снег звенел.

Порой на фоне горящего угля пробегала быстрая тень, чтобы снова скрыться за стволами.

Здесь мы снова встретили Коротеева.

Он отправлялся только что подошедший батальон в тыл белофиннам.

Предстояло пройти, таясь ночью, по льду озера свыше двенадцати километров, чтобы подкрепить группу, действующую в тылу у неприятеля.

Это было рискованное и отважное предприятие, и нужны были большая выдержка, храбрость и умение, которыми действительно обладал батальон, для того, чтобы сделать то, что он сделал.

Проводника мы узнали. В белом балахоне, молодой, но уже поседевший, старший лейте-

нант Ошеров стоял впереди, рядом с другими командирами.

Коротеев вытащил из кармана пачку папирос, вторую и сунул их в руки Ошерова.

— Там пригодится, — сказал он.

Вчера в сумерках, когда мы вместе с корреспондентом «Известий» И. Осиповым были увлечены зрелищем воздушного боя, окончившегося тем, что охваченный пламенем «Бристоль Блекхейм», потеряв управление, камнем пошел книзу, из лесу к нам на дорогу вышел предельно утомленный человек в балахоне.

— Где штаб? — спросил он.

Мы довели его до штаба.

Это и был старший лейтенант Ошеров, прошедший через белофинские тылы, пересекший линию фронта с донесением о положении группы, оперировавшей в тылу у финнов.

Сейчас, по прошествии суток, он снова шел обратно проводником свежего батальона.

Мы взяли от Ошерова письмо к его родным, обещали отправить и в свою очередь просили передать приветы нашим товарищам, находившимся в том отряде, к которому шел батальон.

— Им будет приятно, что о них не забывают, — улыбнулся Ошеров.

Колонна пошла, люди двигались в полной тишине, и, если бы не дыхание и хруст снега под ногами, никто бы не сказал, что двигается целый батальон.

Замыкающий дозор ступил на лед.

После сосредоточенного молчания, длившегося несколько минут, Коротеев повернулся и сказал нам:

— Передайте Ионычеву, ночью я буду у него... — Затем, помолчав, с усмешкой в голосе он спросил: — Кстати, он вам рассказал, что резервирует у себя взвод?

Мы не знали, что ответить.

— Ничего, — продолжал Коротеев, — я этот взвод имею в виду. Я с людьми этого взвода разговаривал. Когда понадобится, все у меня будут драться.

Мы не знали, что ответить.

— Ничего, — продолжал Коротеев, — я этот взвод имею в виду. Я с людьми этого взвода разговаривал. Когда понадобится, все у меня будут драться.

Мы не знали, что ответить.

— Ничего, — продолжал Коротеев, — я этот взвод имею в виду. Я с людьми этого взвода разговаривал. Когда понадобится, все у меня будут драться.

Мы не знали, что ответить.

ШТУРМ ОСТРОВА «ЗУБ»

На всех картах, во всех донесениях остров этот назывался Паймюнсаари, но бойцы называли его попросту «Зуб». И действительно, было в нем внешнее сходство с клыком. Острый, скалистый, он высился над гладкими просторами ладожских льдов.

От берегового шоссе до первых скал острова надо было пройти километр. Скалы ярусыми громоздились одна над другой, и по этим уступам взбирался густой сосняк и орешник, а самая смелая сосенка забралась на вершину «Зуба». Цепко захватив корнями камни, она раскачивалась там, на тридцатисемиметровой высоте, под порывами ладожского ветра.

Остров сторожил дорогу. По этой дороге к нашим передовым частям шли обозы и подкрепления. С высоких скал хорошо были видны все извилины дороги. Оставаясь невидимыми и недоступными, с острова каждый день по грузовикам и штабным машинам били минометы. Пользуясь ночной темнотой, неприятельские лыжники производили оттуда набеги, тревожа наши тылы, нарушая снабжение передовых частей.

100

Остров казался неприступной каменной крепостью.

— Под корешок, под корешок надо взять этот «Зуб», — сказал командир роты бойцам вечером, накануне того утра, на которое был назначен штурм острова.

Все бойцы без лишних подбадриваний хорошо понимали важность и необходимость этой операции.

Пулеметчику Ефиму Семеновичу Рычагову предстояло второй раз побывать в деле. Десять дней назад он потерял своего друга — Ильина — второй номер боевого расчета и сам вынес из боя весь пулемет — и тело, и щиток, и станок — шестьдесят шесть килограммов. Мало кто мог справиться с такой тяжестью. Но Рычагов, бывший до армии грузчиком, вынес бы вместе с пулеметом и погибшего Ильина, если бы этим он мог только возвратить к жизни своего друга.

Нового товарища — Сухарева, заменившего Ильина, — Рычагов еще не видел в бою, и потому, думая о предстоящем штурме острова, он еще с вечера внимательно просмотрел и подготовил пулемет.

Ночью он то и дело просыпался от холода, пробирающегося под ватник. Прижимаясь к товарищам, чтобы согреться, он слышал гул артиллерийской пальбы.

Не в первый раз обстреливали артиллеристы остров, но этой ночью огонь их был особенно интенсивен.

Артиллерия была по острову, перенося

101

огонь с одного квадрата на другой и снова возвращаясь на уже обстрелянные квадраты. И всю эту долгую зимнюю ночь огонь не ослабевал.

Слыша гул канонады, понимая, что сейчас, этой ночью, артиллеристы у своих орудий работают, подготавливая утренний штурм, Рычагов подbrasывал смолистые чурки в притухшие угли костра и, притулившись к товарищам, снова засыпал.

С утра вступила в действие авиация. С замиранием сердца следили бойцы, как к острову несутся, развертываясь в линию, девятки. И, как только самолеты начинали снижаться, с земли вверх сразу взвивались ракеты. Яркие, сверкающие, зеленые. Одна, другая, третья, много.

Зеленые огни взметнулись в чистом небе, словно цепочка, и, не успевая выстроиться в одну линию, стали падать вниз. Это бойцы, лежавшие впереди, ясно обозначали для самолетов передний край своих боевых порядков.

И во всех этих огнях, и в быстроте налетевших и мгновенно слизвившихся самолетов было что-то праздничное. Сразу же взметнулись над островом высокие дымы и огни от разрывов фугасных и зажигательных бомб, и сразу же на все лады с воздуха и с земли по-разному затрещали пулеметы.

И тогда был отдан приказ о выходе.

Покинув прибрежный лесок, казавшийся таким надежным прикрытием, бойцы торопясь

вышли на лед. Теперь им предстояло пройти открытый местом до самого острова.

Самолеты проходили над островом и сбрасывали бомбы, били из пулеметов и, развернувшись, улетали обратно.

Вслед за первой девяткой появлялась вторая, третья.

Они шли нескончаемыми волнами, и то нараставший, то затихавший гул разрывов напоминал неумолчный рокот прибоя. Самолеты пикировали и почти в упор расстреливали земные цели.

Шагая вперед, обходя темневшие на льду пятна — следы снарядов, — Рычагов сначала считал девятки, затем сбился со счета и вместе с товарищами думал только об одном: как бы поскорее добраться до первых скал. Бойцы пробегали метров тридцать и ложились и затем, отдохнувшись, поднимались и снова перебегали дальше.

Рычагов оглянулся: номер второй не отставал.

Когда стрелки были в сотне метров от острова, авианалет прекратился так же внезапно, как и возник.

— Вперед! — крикнул командир.

Бойцы поднялись из снега и побежали вслед за командиром. Внезапный сильный огонь финских пулеметчиков, укрывшихся в скалах, остановил их.

Кто-то возле Рычагова крикнул:

— Санитара сюда!

Бойцы залегли.

102

103

Командир на локтях подполз к Рычагову.

— Давай быстро на ту высотку. Оттуда будешь бить, — приглушенным голосом сказал он и показал рыжей оленей варежкой на крутою скалу у берега острова.

Рычагов, не расспрашивая, пополз к берегу, волоча тело пулемета. Без лишних слов он понял, что командир выдвигал вперед пулемет для того, чтобы он, подавляя неприятельские огневые точки, прикрыл новый бросок роты вперед.

Командир хорошо использовал тактическое правило врага: «Лучше семь человек на фланге противника, чем семьдесят в середине фронта».

Рычагов полз и слышал за собой тяжелое дыхание товарища. И поэтому он, даже не оглядываясь, знал, что это Кузьмин, третий номер пулеметного расчета, волочит за собой связанные крепким проводом тяжелые металлические коробки с пулеметными лентами. Прижимаясь всем телом ко льду, то и дело взглядывая вперед из-под надвинутой каски, Рычагов старался угадать, откуда удобнее будет взобраться на скалы.

Когда до скал оставалось несколько метров, Рычагов ощущил, что он вышел из сферы огня, что прибрежные камни теперь уже не угроза, а защита. Тогда он поднялся и, взвалив на плечо тяжелое тело пулемета, побежал к берегу. Обогнув скалу, он вступил на поросшую можжевельником землю.

104

Проваливаясь в снег, скользя и срываясь, он карабкался вверх.

Сбитые, вывороченные бомбеккой деревья задерживали его движение. Местами из-под серой распыленной земли виднелся снег. Земля лежала поверх снега.

— Как они только могли здесь удержаться, — удивился Рычагов.

Пот катился по лицу, в глазах темнело от напряжения, когда Рычагов достиг наконец показанной командиром вершины.

Тяжело переводя дыхание, он торопливо огляделся и вдруг увидел внизу, в лощине, несколько финских солдат. У них были пулемет и пушка, и они безостановочно вели огонь. Он видел отсюда, как сверкали, высекаивая на снег возле пулемета, медные гильзы и вздрогивало, выпуская снаряд, орудие Маклина.

Рычагов все видел, оставаясь сам незамеченным.

— Давай, давай, — прошептал он, оборачиваясь.

На вершину вслед за ним взобрался только Кузьмин. Он торопясь раскрывал коробку с пулеметной лентой.

— Сухарев отстал, — сказал Кузьмин про бойца, тащившего станок пулемета.

Неприятельский пулемет продолжал работать, и Рычагов не мог дождаться, когда подоспеть станок,

— Давай сюда ленту, — приказал Рычагов,

105

подбегая к сосне, ствол которой раздавался на высоте метра от земли. Он быстро втиснулся в развилику сосны тело пулемета и стал наводить его. И в то время, пока Рычагов прижался, второй номер пролегнул ленту и занял свое место у пулемета.

И пулемет, станком для которого служила сосна, заработал. Финский пулеметчик принял и, раскинув руки, упал. Пулемет его замолчал. И сразу же врассыпную, бросив пулемет, солдаты побежали в глубь острова.

Вслед за ними побежали и артиллеристы, оставив орудие.

Они могли выпустить артиллерийский огонь, воздушный налет, но внезапный пулеметный удар с фланга нагнал на них панику.

— За мной, за мной! — крикнул Рычагов и, не обращая внимания ни на камни, ни на кусты, ни на глубокий снег, метнулся к оставленному финнами пулемету.

Как он добежал туда, как преодолел эти камни, прорвался через цепкие кусты, он не мог бы рассказать. Он только помнит момент, когда он вместе с товарищем повернулся неприятельский «максим», лёг за пулемет и открыл огонь.

Одни за другим падали бегущие враги, подкошенные своим же пулеметом.

И когда лента, почтая еще финским пулеметчиком, была до конца достреляна Рычаговым, наступила тишина, и в этой тишине бойцы услышали, как неподалеку за деревьями, с берега таращится пулемет.

106

— Стой здесь, а я пойду посмотрю, что там такое, — сказал Рычагов товарищу, вытаскивая из-за пояса гранату. Быстро пробираясь по лесу, то останавливаясь и прислушиваясь, то утоляя шаг, он скоро дошел до того места, откуда мог разглядеть работающий пулемет. Метрах в ста от Рычагова за щитком лежали двое. Они были так заняты своим делом, что не оглядывались.

Рычагов лег в снег и, приготовив вторую гранату, пополз на локтях и коленях. Затем он приподнялся.

«Это вам будет за Ильина», — подумал он, рванул предохранитель и, бросив гранату, припал к земле.

Взрыв гранаты ворвался в пулеметную дробь, и тогда Рычагов снова приподнялся и метнул вторую гранату и снова припал к снегу. Когда после второго взрыва он привстал, пулемет не работал, а двое солдат лежали, уткнувшись в снег.

Рычагов подошел к пулемету, поднял его и потащил его назад к первому, трофеиному, у которого ждал его оставленный товарищ.

Когда, надрываясь под тяжестью своего груза, Рычагов карабкался на скалу, он услышал с озера родное «ура» и возгласы бойцов, идущих в атаку.

«Ну, теперь им пулеметы не помешают», — с удовлетворением подумал он.

— Ну, что, посмотрел? — с довольной улыбкой спросил Рычагова товарищ.

— Смотри и ты, — ответил Рычагов, груз-

107

но опускаясь на снег, чтобы снять с плеча свою ношу.

— А пушку ту поднять можешь? — кивнул боец на орудие Маклина.

— Не пробовал...

— Эй, смотрите, ребята, бегут, бегут, — раздался крик.

Товарищи разом взглянули на скалу, где в развалике сосыны был оставлен ими пулемет.

Около него сейчас стоял со станком Сухарев и указывал вниз рукой.

Рычагов подбежал к берегу и увидел, как по льду на соседний остров врассыпную бегут финские солдаты.

Вместе с Кузьминым, не условливаясь, не говоря ни слова, Рычагов потащил пулемет на выдающийся в озеро мыс. С мыса широко открывалось ледяное поле.

— Ленту, ленту, — торопил Рычагов, не отрывая глаз от прицельной рамки.

И огонь его пулемета слился с огнем истребителя, который кружил над бегущими и налетал на них, как ястреб.

Выпустив одну за другой две ленты, Рычагов остановился.

Уже не с кем было драться. ...Остров был взят. Специально назначенные

командиром люди подсчитывали трофеи.

Командир роты шел уже во весь рост, и рядом с ним шли стрелки и тоже не пригибались.

— Спасибо, товарищи пулеметчики, — ска-

108

зал командир. — Отлично поработали. — Окончайтесь здесь засветло, к ночи сменю вас...

СЛЫШАЛИ ТЫЛОВИКИ

Отряд, в котором находился Рычагов, шел в атаку на остров «Зуб» от леса, окружившего целлюлозный комбинат и поселок, где расположился госпиталь.

Остров был взят, и работники госпиталя могли теперь без помех заниматься своим прямым делом. До этого времени хирургам часто приходилось оставлять скальпель и вместе с санитарами, сестрами и основной вооруженной силой острова — ротой выздоравливающих — занимать оборону в заранее подготовленных окопах и отбивать нападения противника с острова «Зуб», защищая жизни раненых.

Оборона на этом участке была поручена начальнику госпиталя врачу третьего ранга Боровикову.

В своей серой кубанке он с утра обходил операционные, затем палаты, где лежали раненые, палаты выздоравливающих, всюду наводя порядок и отдавая текущие распоряжения.

Пройдя по кухням, он отправлялся к снежным окопам, где непрерывно дежурили бойцы, инструктировал их.

Он являлся к батарее, расположенной на берегу, и вместе с командиром-артиллеристом намечал цели. Это был, пожалуй, единственный врач, в подчинении которого, помимо госпиталя, аптеки, кухонь, парка санитарных машин, находилась батарея.

109

«Внешним обликом, осанкой, кругом забот, манерой разговаривать, своей баражковой серией кубанской Боровиков, больше напоминал строевого командира, чем врача.

Словно тот, кто назначал Боровикова начальником этого госпиталя, предугадывал, что только такой начальник сможет с честью справиться в той,最难нейшей обстановке, в какой очутился госпиталь. Ведь линия фронта проходила почти в километре от операционных палат.

И все люди госпиталя, в мирное время казавшиеся такими штатскими и обыкновенными, когда это вдруг стало необходимым, нашли в себе такую внутреннюю силу и мужество, которые делали каждого из них героям.

Почти ежедневно на рассвете и перед закатом финские аэропланы сбрасывали бомбы на домики и палатки госпиталя. Но и во время бомбардировки хирург Степан Ефимович Кошкаров, врачи Либов, Петров, Иткенсон, не отходя от операционного стола, продолжали свою тяжкую, но благородительную работу.

В коридоре стояли ряды, носилок с ранеными, ожидающими своей очереди, чтобы лечь на операционный стол. И хирурги работали.

Во время одной из бомбардировок сестра, подававшая инструментарий, была ранена осколком бомбы, пробившей тонкую стену. Кошкаров довел операцию до конца.

Бомбы неоднократно попадали в палаты, но,

к счастью, не всегда разрывались. Когда начиналась бомбардировка, все сестры шли в палаты, ходили между койками и ранеными, лежавшими на полу, разговаривали с ними, подбадривали, находили в себе силы шутить и улыбаться.

Многие из раненых, даже не зная фамилий сестер, фельдшериц, женщин-врачей: Бубновой, Румянцевой, Шейгал, Красивовой, Яблоковой, Марии Николаевны Крайновой, Соловьевой, унесут на всю жизнь благодарное воспоминание об их побледневших, но улыбающихся лицах, о ласке, согревавшей сердца.

Мы были на острове во время налета.

Несмотря на бросавшиеся в глаза знаки Красного Креста, финны метали фугасные бомбы в госпиталь.

Одна бомба упала в палатку выздоравливающих. Мимо пробежали санитары с носилками, торопливо прошли сестры. Бомбой были убиты девять выздоравливающих в палатке и ранена сестра в операционной.

Если бы в конце января в операционную госпиталя заглянул посторонний человек, он удивился бы, увидев хирургов, работавших в кружевных сорочках и пенькоарах.

Халаты пачкались быстро. Что значит стирка на таком морозе, поймет каждая женщина. А тут в поселке на чердаке было найдено несколько сундуков с чистым дамским бельем. Боровиков приказал это белье использовать для операционных.

Нередко из госпиталя отправлялись люди,

110

111

чтобы доставить раненых из частей, которые вели бой у дороги, в скалах.

Отряд майора Олейника, заняв скалистую высоту на берегу Ладожского озера, отбивал яростные контратаки противника.

Боровиков отправил в отряд несколько санитаров под командой ленинградца Николая Верстакова, совсем еще недавно бывшего продавцом в гастрономическом магазине Выборгского райпищеторга.

Даже ночью этот путь простреливался как с берега, так и с острова.

Взбираться наверх по скалам было трудно, путь шел по каменистым обледенелым ступеньям. Выше нужно было карабкаться по крутыму откосу, перебираясь от сосны к сосне. Для того чтобы спускать тяжело раненных с этой высоты на лед озера, Верстаков ложился плашмя на спину, и сверху на него товарищи укладывали раненого.

Предварительно они пеленали его в плащ-палатку, чтобы снег не забился под шинель. Так, неся на себе тело бойца, Верстаков скользил вниз.

Камни рвали шинель Верстакова, снег набивался под одежду, но надо было все время держать на себе раненого. А для того чтобы Верстаков со своей дорогой юной не сорвался, ниже него, тормозя скольжение, полз санитар. Верстаков валенками упирался в его плечи. Там, где скалы образовывали ступень, Верстакова ждали санитары, он вручал им ра-

112

неного. И санитары, передавая его из рук в руки, со ступеньки на ступень, продолжали спуск.

Когда луч вражеского прожектора рыскал по откосу, санитары останавливались и приближали к снегу. Спуск каждого раненого с высоты в двести метров продолжался более часа.

Все раненые из отряда Олейника были доставлены в госпиталь.

В те дни регулярное движение по шоссейной дороге было невозможным, и передовые части командира Бондарева оказались отрезанными от баз снабжения.

Однажды вечером, когда командарм проходил по берегу острова, ему донесли, что на льду слышен скрип саней. Через некоторое время наши пикеты остановили розвальни. Командарм подошел к повозочному.

— Откуда?

Повозочный назвал часть Бондарева, бившуюся впереди в скалах.

— А как ты пробрался сюда? — удивился командарм.

— Открыл путь по озеру, только некогда об этом сейчас долго разговаривать. Этой же ночью должен обратно вернуться. Прикажите скорее отпустить табак, галеты и все, что положено... Не могу я здесь прохладиться.

Повозочный Чурков не знал, что он разговаривает с командармом, а тот, восхищенный инициативой и бесстрашием бойца, решил немедленно представить его к награде.

113

Путь, открытый Чурковым по льду Ладожского озера, находился под обстрелом как с берега, так и со скалистых островов — этих природных форточ, занятых финами.

Следуя примеру Чуркова, каждую ночь, рискуя жизнью, отважные повозочные на розвальнях по льду везли продовольствие, в котором нуждались части. И каждую ночь их неизменно обстреливали, они несли потери, но тем не менее снова отправлялись в путь.

Кроме Чуркова прославился повозочный Широков, сделавший двадцать два ночных рейса.

Как только темнело, повозочные маскировали лошадей простынями, бумагой. Особо ценились при сборах в такой рейс белошерстые лошади.

Среди погруженных в розвальни мешков и ящиков повозочные укрепляли металлические листы, чтобы защитить себя от пули. На этих подводах вместе с продуктами шли газеты.

Обратным же рейсом повозочные привозили раненых и заметки для газеты.

Мы видели, как такой обоз готовился к спуску на лед. Повозочные торопливо снимали торбы с овсом, любовно оглаживали рукавицами, заиндевевшую шею коней. Переступая с ноги на ногу, лошади, с хрустом, дрожали, вывали овес. И вот раздалась команда:

— На лед!

Одновременно вся колонна двинулась к сундуку на озеро. Опаснее всего было двигаться в этой колонне последним. Финны на остро-

вах голодали, и ночами группы солдат выходили на лед, устраивали засады, подстерегая обозы. Наши подводчики, каждый раз избирали новый путь и как опытные разведчики никогда не шли дважды по одной и той же колее.

Финские солдаты нападали на хвост колонны, стремясь подбить последнюю лошадь обоза. Тогда повозочный брал все, что мог унести на себе, оставлял розвальни и спешал за товарищами.

С вышки целлюлозного комбината можно было видеть, как вдалеке там и сям на озере чернеют трупы лошадей, занесенные поземкой...

Теперь же остров «Зуб» был взят. Готовились к атаке следующего острова Вуоротсу. Госпиталь и другие тыловые учреждения в Питкяранта переходили на мирную жизнь. Уже не таясь составлялись очередные обозы с продовольствием и боепитанием, чтобы отправиться по залитому мартовским солнцем льду вперед.

К вечеру того дня, когда был взят остров «Зуб», комбриг Соколов очистил и освободил для движения прибрежное шоссе.

...Отмечая боевой успех, мы собирались в уютном «поместье» Ионычева. За ужином все были веселы, оживлены, ели с аппетитом.

Когда на стол были поданы закуски — вспомнили о коте-дегустаторе.

В начале войны в захваченных финских

8*

115

деревнях бойцы находили много продовольствия. Опасаясь отравы, они всюду возили с собой большого черного кота. В первый день наступления его нашли на лежаке в доме финской пограничной заставы и дали ему кличку «Шицкор».

Перед тем, как приняться за еду, бойцы заставляли это пресытившееся от частых проб животное отведать всего, что они находили. Если кот отворачивался от колбасы или масла, — то бойцы все оставляли нетронутым.

У кота-дегустатора была слишком большая нагрузка, и вскоре после начала войны, ко всемобщему сожалению, он подох. Тогда завели собаку, которая имела то преимущество, что могла пробовать и варенье. А варенья попадалось много...

Затем Коротеев рассказывал эпизоды освободительного похода в Западную Белоруссию, Соколов вспоминал жаркое солнце Испании и произносил тосты по-испански.

— Спой, дружок, арию Ленского, — попросил его Коротеев, и обратившись к сидящим за столом, он патетически произнес:

— Если бы он не был военным, он бы в Москве в Большом театре пел...

Соколов смущенно потупился.

— Да нет, ты не смущайся, — продолжал Коротеев. — В двадцатом году он командовал батальоном. В Бердянске у него полбатальона в сыпняке лежало. Средств нехватало. Так Соколов устроил большой концерт в город-

ском театре, с афишами. Сам весь вечер романсы и арии разные пел. Весь сбор пошел батальону.

И, уступая просьбам, Соколов запел.

Пел он с увлечением, выводя сложные фиоритуры, а если кое-где он и срывался, то мы все с охотой прощали ему, так приятно и необычайно было слушать арию Ленского и испанские любовные песни в усадьбе, засыпанные снегами, среди лесов, под аккомпанемент канонады, но за столом долго не засиживались: с утра готовилось наступление на остров Вуоротсу.



СОДЕРЖАНИЕ

Шесть часов из жизни шофера Кайда	5
„Барыня“	20
Ночь в блиндаже	36
День, в который не была написана заметка . .	63
Дом с мезонином	82
Штурм острова „Зуб“	100